

МИКАЭЛА БЛЭЙ

18+

«Смерть, смерть, смерть», — прошептала она про себя. Но было уже слишком поздно. Внутри росла паника.

ЛЮККЕ

Запутанная история о пропавшем ребенке

Annotation

Восьмилетняя школьница Люкке бесследно исчезает с занятий по теннису. Журналистское расследование поручают вести Эллен Тамм — телерепортеру криминальной хроники. Девушка прикладывает все силы, подключает волонтеров и СМИ, но все безуспешно. Ни у полиции, ни у Эллен нет никаких сведений о местонахождении Люкке. Похитили ли ее? Заблудилась ли девочка в огромном Стокгольме? Эллен ищет причины исчезновения Люкке в ее близком окружении. И репортеру открывается довольно трагическая картина.

Микаэла Блэй

Люкке

Copyright © Mikaela Bley, 2015

© Серебро Е., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Дагу — хочу всегда быть там, где ты

Эта история — вымысел. Хочу подчеркнуть, что все события и герои выдуманы и являются плодом моей фантазии. Поэтому сходство с реальными событиями и обстоятельствами является чистым совпадением. Однако я взяла на себя смелость включить в книгу реальные места и публичные фигуры, чтобы сделать историю как можно более достоверной. Я делала это с уважением и, надеюсь, преуспела. Описание большинства мест в книге соответствует действительности, но я изменила некоторые детали.

Пролог

Она еще раз перевернулась в кровати. Не спалось. Ноги дрожали.

Уставилась в стену. Закрывает глаза, но всего лишь через несколько секунд открывает их снова. Натянула подушку на голову, стараясь заглушить голоса, но ничего не вышло.

Голоса звучали все громче и громче.

— Прости, — прошептала она.

Она зажгла лампу на ночном столике и подошла к письменному столу. Выдвинула верхний ящик и достала несколько ароматических ластиков. Сердечки, звездочки, клубнички. Разломив пополам ластик в виде кролика, воткнула кусочки себе в уши.

Потом опять легла, погасив лампу. По щекам текли слезы, и она прошептала:

— Бог, он всех детишек любит, и меня он не забудет.

И куда бы я ни шел, всюду руки он простер.

Счастье может и уйти.

Где же мне любовь найти?

Эллен проверила время в правом верхнем углу компьютерного экрана. До последних вечерних новостей оставалось меньше двух часов.

— Парк Тиволи в Кристианстаде полностью затоплен, — громко объявил коллега на все открытое пространство редакции. — По мнению экспертов, еще несколько миллиметров и город уйдет под воду.

Репортер бросился на свое место. Редактор вечернего выпуска новостей сообщил об оползне в Вагнхереде, вызванном сильными дождями, которые обрушились на Швецию.

«Дождь и ветер, как же они мне надоели», — подумала Эллен.

На кухне ее коллеги пили кофе. Сегодня они явно перетрудились. В аппаратной шло совещание руководства редакции.

Сидящий рядом с Эллен паренек по имени Лейф поедал свой ужин из прозрачного пластмассового контейнера, одновременно нажимая указательным пальцем на кнопки клавиатуры.

Когда четыре года назад Эллен пришла на канал ТВ4, она думала, что будет работать в стильном современном офисе. Вместо этого попала в самое обычное конторское помещение. Между белыми рабочими кабинками едва можно пройти, вентиляционные трубы на потолке гудят, а от ламп дневного света не укроются даже самые маленькие поры на лице. И сутки напролет пахнет подогретой в микроволновке едой. Единственное отличие помещения ТВ4 от других — количество знаменитостей в маленьких кабинках зашкаливало. Еще, пожалуй, здесь было чуть-чуть больше шума, чем в основном здании Губернской страховой компании, находившейся в соседнем доме на улице Тегельудсвеген в Стокгольме.

Эллен бросила взгляд на экран телевизора, стоящего на письменном столе впритык к компьютеру. Встретилась глазами с Давидом Хеллениусом, который радостно приветствовал зрителей в студии *Танцев со звездами*. Не забыть отказаться от участия в дне семьи канала ТВ4 в парке развлечений Грёна Лунд. У нее нет ни малейшего желания быть белой вороной среди счастливых семей и детей с разноцветными браслетиками на запястьях.

Она открыла свой материал об убийстве восемнадцатилетней девушки в Тумбе, который готовила для вечерних новостей.

Сегодня выдался длинный день. У Эллен, криминального репортера, был ненормированный рабочий день. Она приходила в редакцию по мере необходимости, а когда ты относительно молода и дома тебя не ждет семья, то работы всегда хватает.

Эллен стало холодно, и она застегнула пуговицы на черной кожаной куртке. Весь день она сетовала, что оделась не по погоде. Платье, открывающее голые ноги и короткая куртка не спасали, но кто мог подумать, что в конце мая будет всего лишь восемь градусов тепла? Она, в принципе, понимала зрителей, которые звонили на телевидение с жалобами на погоду, хотя канал Эллен не занимался предсказаниями погоды, а всего лишь зачитывал прогноз.

Скорее бы домой и принять горячую ванну. Зажечь ароматическую свечу с фруктовым запахом, а потом почитать последний номер журнала «Вэнити фэйр», который ее ждался.

Эллен перебрала все бумаги и газеты на письменном столе, чтобы найти наушники и отключиться от шума. Когда-нибудь она все здесь разберет. Может быть, в понедельник. Новая неделя, новые возможности. Так она обычно говорила каждую неделю вплоть до

вторника, в лучшем случае, до среды.

Наушники она так и не нашла. Вместо этого сделала телевизор громче и нажала «плей».

Всякий раз, когда Эллен видела себя на экране, повторялось одно и то же. Собственное изображение всегда заставляло ее врасплох, хотя уже можно было и привыкнуть.

Она нажала на паузу, несколько раз глубоко вздохнула и опять стала смотреть.

Но не прошло и несколько секунд, как на экране появилась бегущая строка новостного агентства «ГТ».

Один человек убит в перестрелке на площади Лилла Торг в Мальмё.

Не успела Эллен кликнуть на ссылку, как раздался голос шеф-редактора:

— Редакция в Мальмё — специалист по перестрелкам!

Смерть. Ей постоянно напоминали о смерти, но именно это ей и нужно.

Пока друзья Эллен часами сидели, приклеившись к экрану в ожидании, когда на «Эм-ти-ви» покажут их любимый музыкальный клип, Эллен смотрела один документальный фильм об убийствах и убийцах за другим. Она вырезала из газет некрологи и статьи о людях, умерших не своей смертью, в результате страшных несчастных случаев. Это отвлекало ее от собственных проблем.

Будучи криминальным репортером Эллен была вынуждена ежедневно думать о смерти. По мнению психолога, ей надо сменить профессию — она слишком одержима смертью и должна разорвать свой порочный круг. Образно говоря, она занимается сексом с врагом. Конкретно этих слов психолог не произносила, но Эллен истолковывала ее мысль именно так. Как бы там ни было, ее поведение нельзя было назвать нормальным, и Эллен понимала это.

— Эллен!

Сконский диалект и низкий голос словно прорезали воздух. Она слишком хорошо знала этот голос. Сердце тотчас забилося быстрее.

Она подняла глаза и неохотно встретилась с ним взглядом.

— Пожалуйста, подойди ко мне. — Он помахал ей рукой.

Он заговорил с ней первый раз с тех пор, как неделю тому назад возглавил редакцию. Первый после того, как без объяснения бросил ее год назад.

Эллен встала со своего места и неуверенным шагом пошла к его письменному столу через всю редакцию. Проклиная себя за то, что сдали нервы, она попыталась сосредоточиться на цели, уставившись на цветочный горшок, стоявший на столе секретаря за Джимми.

Преыдуший начальник единственный из всей редакции сидел в отдельном кабинете. Джимми предпочел сесть со всеми и стать «частью банды». Но никто не обольщался, ведь он пришел сюда расчищать завалы. И это знали все. Новости должны стать качественнее, расходы — меньше, а рейтинги просмотров — выше. После того как недавно он уволил большое количество сотрудников на канале-конкуренте, его прозвали «мальчиком с пилой».

Эллен вынула ручку из пучка на голове и распустила длинные темные волосы.

— Привет, я сейчас. — Он мельком взглянул на нее и опять уставился в свой макбук. — Вот только письмо отправлю.

На столе у Джимми ничего не было, кроме недопитой чашки кофе и отраслевого журнала с его портретом на обложке. Ни одной фотографии. Ни одной личной вещи.

Точно, как и на ее рабочем месте.

В горле пересохло.

Она осторожно изучала его профиль, пока он стучал по клавишам макбука. Мужчины с большими носами всегда были ее слабостью. Высокие скулы четко очерчены, темные волосы коротко подстрижены.

— Теперь все. Извини, что тебе пришлось ждать, — улыбнулся он.

Его голос звучал уверенно, а вот она в себе уверена не была.

— Послушай, какие у тебя отношения с полицией? — спросил он, откинувшись на стуле.

— Хорошие. А почему ты спрашиваешь?

— Ты ведь криминальный репортер?

— Ну да. — Его вопрос сбил ее с толку.

Джимми провел рукой по волосам и взглянул сначала на компьютер, а потом на нее.

— Что тебе известно о пропавшей девочке?

— Что? — Эллен отпрянула назад, словно обожглась об его слова.

Джимми указал на письмо.

Хотя все ее нутро сопротивлялось, Эллен наклонилась и стала читать:

Восьмилетняя девочка бесследно исчезла...

Буквы сливались.

— Вот что заводит зрителей. *Синдром пропажи хорошенькой девочки*, ну, сама знаешь.

Эта новость как нельзя кстати. — Он ударил рукой по столу, как будто попал точно в цель.

Эллен несколько раз моргнула, чтобы сфокусироваться.

Джимми продолжил:

— Такие материалы нам нужны. Личные, чтобы нельзя было остаться равнодушным. Не можем же мы делать репортажи только на общие темы. Мы должны конкретизировать. Понимаешь? Чтобы затронуть чувства зрителей.

Эллен уже хватило его разъяснений — ее будто ударили в солнечное сплетение, а в руки впились иголки.

— Девочка пропала с Королевского теннисного корта. Сегодня, во второй половине дня. Надо действовать. Я хочу, чтобы ты...

Эллен покачала головой:

— Это случилось сегодня?

— Да, во второй половине дня.

Эллен выпрямилась и попыталась сделать глубокий вдох, но ей сдавило грудь.

— Ты видел ее фотографию? — спросила она, дав волю злости.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты ведь назвал это *синдромом пропажи хорошенькой девочки*. Она что, хорошенькая?

Джимми отъехал от нее на стуле.

— Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. — Он поднялся. — Это устойчивое выражение.

— Да, знаю. Можешь мне поверить. На самом деле это называется синдром пропажи *белой* девочки. Ведь она белая? Наверняка ты это уже проверил. — Она дышала, как загнанная, пытаясь это скрыть.

Вместо ответа он поднял с пола свою сумку для макбука.

— Ты ведь надеешься, что с ней на самом деле произошло что-то ужасное? — Эллен не могла успокоиться. — Что ее изнасиловали? Или, может быть, она утонула? Лучше всего, если ее расчленили. Чем больше кусков, тем вкуснее. Ты понимаешь, что речь идет о

восьмилетней девочке?

Джимми огляделся. Понял, что их слушает вся редакция, заговорил тихим голосом:

— Вот это ты и проверишь. Я хочу, чтобы с самого начала мы были в курсе всех обстоятельств. — Он захлопнул крышку макбука.

— С самого начала...

— Да, с самого начала. — Он повернулся к ней. — И еще: пересмотри свои контакты с полицией, ты криминальный репортер и должна была уже знать все это раньше меня.

Она утерла пот со лба.

— Но это не новости для канала ТВ4... — Подумать только: без году неделя на канале, а уже учит ее, что ей делать. — Может быть, ты думаешь, что пришел работать в вечернюю газету, но...

— Да, ты права, — перебил ее Джимми. — Это не новость. Пока что. Но может стать новостью, и поэтому я хочу, чтобы мы всех опередили. Мы не можем позволить себе ждать, а потом рассказывать о событиях после всех остальных. Создавай новости. — Он положил компьютер в сумку.

Теперь иголки впились во все тело. Эллен точно знала, что с ней произойдет дальше.

— А что мы будем делать, если она недостаточно хорошенькая? — продолжила она.

— Ну ладно, если ты не можешь, я дам это задание кому-нибудь другому в редакции. — Джимми взял сумку под мышку и устало посмотрел на нее. — Я просто подумал, что...

— Ладно, берусь, — согласилась Эллен.

— Хорошо. — Джимми пошел к лифтам.

— Смерть, смерть, смерть, — прошептала она, когда он уже не мог ее слышать. И тогда ее охватила паника.

Маленькой девочке было восемь лет. *Ровно столько, сколько тогда было Эльзе.*

Эллен открыла глаза. Несколько раз моргнула. Ей стало жарко, и она сняла куртку. От шума вентиляции в ушах гудело. Земля уходила из-под ног, и ей пришлось схватиться за раковину, чтобы не упасть.

— Смерть, смерть, смерть, — прошептала она, тщательно выговаривая каждую букву. От боли в груди она едва могла дышать.

Кто-то дернул ручку двери.

Эллен открыла кран до упора, наклонилась и, налив воду в сложенные в горсть ладони, ополоснула лицо.

— С тобой все в порядке?

— Да-да, — ответила она, пытаясь говорить нормальным голосом. Увидев себя в зеркале, снова быстро опустила глаза.

Дыши Эллен, попробуй дышать.

— Ну что там?

— Я сейчас! — Закусив губу, она обеими руками держалась за раковину. Из крана по-прежнему хлестала вода. Она закрыла кран, оторвала кусок бумажного полотенца и вытерлась.

Смерть, смерть, смерть. Последний из вереницы психологов, с которыми она имела дело, посоветовал ей повторять как заклинание какие-нибудь слова, чтобы не дать панике взять верх. Сначала Эллен это казалось банальным, но она решила попробовать. Она где-то вычитала, что Астрид Линдгрен всегда начинала разговор со своими сестрами именно с таких слов, чтобы потом больше не пришлось говорить о страшном. Эллен выбрала для повтора слово, которое больше всего пугало ее и воскрешало воспоминания, которые она хотела, но не могла стереть из памяти. В печали и потере была такая же определенность, как и в самой смерти. Иногда ей это действительно помогало.

Она взялась за ручку двери, но передумала. Исступленно щелкнула пальцами, последний раз пытаясь сбить мозг с толку.

Надо прийти в себя, здесь нельзя больше оставаться. Дрожащими руками Эллен открыла дверь.

— В этом здании есть и другие туалеты, — бросила она коллеге, пройдя мимо нее на свое рабочее место.

Ей казалось, что все на нее смотрят. Ей хотелось поехать домой, раздеться и залезть в постель. С головой забраться под одеяло и отключиться, но сейчас она и мечтать об этом не смела.

Руки по-прежнему дрожали, когда она достала телефон и набрала номер Уве.

— Почему я ничего не знала о девочке, которая пропала с теннисного корта? — Она не сочла нужным поздороваться.

Уве рассмеялся на другом конце провода.

— Не понимаю, с каких пор вы начали интересоваться сбежавшими детьми? У вас что там, новостная засуха? Хотя на улице льет как из ведра.

Она действительно услышала, как ему самому понравилась его гётеборгская шутка.

Эллен зашла в один из свободных конференц-залов, чтобы никто не мешал.

— Это мне решать, что для нас новость, а что нет.

Между ними существовала договоренность. Уве, работающий в полиции отвечал за связи с прессой и знал практически обо всех происшествиях.

Все журналисты работали с осведомителями. В этом не было ничего особенного. Гордиться тут было нечем, для Эллен это было неизбежным злом. По условиям сделки Уве должен был следить за тем, чтобы она получала соответствующую оперативную информацию.

В том, что Уве не связался с ней, на самом деле не было ничего странного. Исчезновение людей более обычное дело, чем можно подумать, и когда за ним не стоит преступление, об этом редко узнают новостные редакции. Если на ТВ4 все же становилось известно о пропаже человека, они не спешили это обнародовать, пока не убеждались в том, что это преступление, которое представляет всеобщий интерес. Но с приходом Джимми на место начальника наступили новые времена.

— Почему ты говоришь, что она сбежала? Вам это известно?

— Потому что чаще всего так и бывает. Сейчас наши сотрудники едут на корт, чтобы поговорить с ее родителями.

Эллен представила себе, как Уве ходит взад-вперед по длинным коридорам здания полицейского управления и разговаривает с ней через свой новый блютуз, который специально заказал из Токио. Во время разговора он медленно качает головой, будто на все говорит «нет». Взад-вперед. Седые волосы прекрасно уложены с помощью воска. Она прозвала его Совой. И не только потому, что он похож на сову, но и потому, что в народе совы ассоциируются с неудачей и смертью. Грубо говоря, на этом и строились их отношения. Сова также является символом мудрости, что, к сожалению, по ее мнению, к Уве не относилось.

В конце концов, ей удалось уговорить его связаться с ней, как только у него появятся дополнительные сведения о девочке.

— О'кей, но если вы все-таки решите сообщить об этом, не ссылайтесь на полицию, — пробормотал Уве, прежде чем положить трубку. — У нас нет возможности принимать от граждан массу бесполезной информации.

Эллен вернулась на свое место и села на стул. Ее взгляд задержался на кадре репортажа из Тумбы, который она остановила на компьютере, нажав на паузу. Она по-прежнему не могла унять дрожь, обливаясь холодным потом, и чувствовала себя в полном смятении. Как смог Джимми силой вовлечь ее в эту историю?

— Ну ладно. Вечер пятницы. Кто будет пить со мной кофе? — спросил Лейф. — Пользуйтесь, пока с вас не стали брать деньги, — сказал он, вставая. — Итак, кофе.

— Спасибо, не буду. — Эллен покачала головой.

— Ну, понятно, бедных это не касается, — продолжил он.

У нее не было сил даже на комментарии.

С Лейфом были связаны три самых больших проблемы. Первая заключалась в том, что он был против любых изменений, вторая — в том, что он был неприятным человеком, а третья — ему не нравилась Эллен. Она не только была неправильного происхождения, но и еще слишком молодой и неопытной, чтобы заслужить его уважение. По мнению Лейфа, четыре года в редакции — это ничто, а то, что она пришла из «Интернета», как называли веб-редакцию, только усугубляло дело.

ТВ4 была ее первой настоящей работой. После окончания журфака Стокгольмского университета она год стажировалась на «Си-эн-эн» в Нью-Йорке, а потом устроилась на ТВ4

веб-редактором. А поскольку веб-редакция не являлась приоритетным направлением, руки у нее были относительно развязаны. Эллиен предпочитала делать репортажи о нераскрытых убийствах, привлечших внимание убийствах, странных убийствах, т. е. обо всем, что имело отношение к убийствам.

Ее работу заметил консультант, разрабатывавший для ТВ4 стратегию конкурентоспособности канала по отношению к сетевым стриминговым сервисам, и ему удалось убедить руководство новостной редакции перевести Эллиен в «Новости».

Здесь ее встретили далеко не с распростертыми объятиями. В редакции считали, что девушку взяли по чистой случайности или, скорее всего, она купила должность, поскольку носила фамилию Тамм и выросла в замке Эрелу в провинции Сёдерманланд.

Эллиен долго завоевывала доверие своих коллег, и, несмотря на то, что работала в редакции уже почти четыре года, по мнению Лейфа по-прежнему не умела правильно обращаться с полицейской информацией. Он вообще много чего считал.

— Ты пропустила сегодняшнее собрание.

Эллиен подняла глаза от экрана и посмотрела на него.

— Да, я была в Тумбе...

— Пользуйся моментом, скоро твоим хобби-проектам придет конец.

— Хобби-проектам? Он что, совсем с ума сошел?

— Да, говоря словами Джимми, «теперь все будет поставлено с ног на голову», — сказал Лейф наигранно. Ему явно не нравился жаргон, которым бравирует новый начальник. Своей почти лысой головой он указал на Джимми.

Джимми сидел к ним спиной и работал в программе «Excel». С тех пор как он пришел к ним неделю назад, он работал сутки напролет. Или для того, чтобы вдохновлять остальных на трудовые подвиги, или потому, что собирался проводить слишком масштабные преобразования. Не секрет, что количество зрителей неуклонно снижалось, а выпуски новостей стоили дорого.

— Что это за общие фразы? На сконском диалекте это тоже нехорошо звучит. Едва можно разобрать, что он говорит. Мы станем командой единоличников. Впредь надо все будет делать самим, — продолжил Лейф, качая головой. — Раньше было лучше.

— Да, и так было всегда, — заметила Эллиен.

— Что ты сказала?

— Что раньше было лучше. И так было всегда.

Лейф что-то буркнул в ответ.

Он работал на ТВ4 со дня основания канала — а это более двадцати лет. Когда он появлялся в кадре, картинка становилась практически черно-белой.

Лейф был способным журналистом, и такой опыт, как у него, приобретается только с годами. Это внушало большое уважение, и большинство сотрудников редакции им восхищались. Многие непосвященные думали, что ведущие программ решают все. Но они ошибались. Лейф был неформальным лидером, но сейчас его позиции пошатнулись. Предыдущий начальник был лучшим другом Лейфа и следил за тем, чтобы у друга зарплата была выше, а привилегий больше, чем у его коллег.

— Ну, я пошел. Спасибо за сегодняшний вечер, — мимоходом бросил Бенгт Магнуссон.

— Ты завтра выходной? — спросил Лейф, поспешив за ним. — Ты слышал — они собираются сделать короче *Голые факты*? Что на самом деле происходит?

Эллиен обновила входящую почту, чтобы проверить, нет ли мейла от Уве, но кроме спама

ничего нового не было.

— Мы тут собрались в *Риче* попить пивка, пойдешь с нами? — крикнул Джимми, надевая пиджак.

Все понятно — он чувствует, что вынужден спросить и ее. Эллиен покачала головой.

— Только не сегодня. Мне некогда.

— О'кей. Тогда увидимся завтра.

Несколько расфуфыренных девиц из редакции *После 10* с хихиканьем побежали за ним.

Лейф вернулся на место с вечерней газетой под мышкой и с чашкой кофе в руке.

— Что, Джимми уже уходит? Не понимаю я этого парня. Он считает, что в новостях надо объявлять результаты *Танцев со звездами*. Куда мы катимся? — Он стал листать газету. Сделал плоток кофе. — А теперь он хочет, чтобы мы рассказали о девочке, которая сбежала. В чем смысл? Неужели мы станем заниматься такой ерундой?

Эллиен наблюдала за ним.

— Разве не странно, что девочка шла на теннис, хотя корт закрыт на ремонт?

Эллиен обычно ходила на Королевский теннисный корт обедать, но последнюю неделю из-за ремонта корт не работал.

Лейф пожал плечами.

— И что значит «сбежала», что тебе об этом известно? Почему ты так говоришь? — Она встала так поспешно, что упал конторский стул.

Лейф посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Может быть, она и правда не в себе?

— Ты что, не понимаешь? Пропала маленькая девочка! Ты говоришь как полицейский и ни о чем понятия не имеешь.

— Успокойся. Что это за подростковые выходки? — Он отвернулся к экрану.

Эллиен схватила в охапку свою одежду и положила компьютер в сумку.

— Взяла полдня? — прокричал кто-то ей вслед, когда она быстрым шагом пошла к выходу. Коллеги засмеялись.

Эллиен стала спускаться в гараж. Получается, она одна понимает, насколько все серьезно?

Она была в таком стрессе, что едва могла поднять руки. Мысли путались. Сделала ли она все, что должна была сделать мать? Прокрутила ли в голове все возможные сценарии? Что она упустила? Всех ли обзвонила? Родителей из теннисной группы, одноклассников. Но никто ничего не видел и не слышал. Никто.

Не прошло и четырех минут, как Хелена опять взглянула на часы.

Поднявшись по небольшой лестнице к крытому Королевскому теннисному корту, она встала под козырьком у входа, чтобы защититься от дождя, хотя какое теперь это имеет значение. Одежда насквозь промокла, ноги онемели, а пальцы превратились в ледышки.

Где искать дальше, она не знала. Наверное, сейчас разумнее всего оставаться на месте, стоять там, где стоишь.

Они с Харальдом ждали полицию уже целых пятнадцать минут. Почему они не позвонили раньше? Люкке отсутствовала почти четыре часа.

Тучи нагнали сумерки, и на пустую парковку легла темно-синяя тень. «Закррито. Ремонт» было написано на оранжевом листке, наклеенном на одну из стеклянных дверей у входа в крытый корт. Корт откроется через три недели. А сейчас двери заперты, а фасад спрятан за строительными лесами и защитным брезентом. Все напоминает заброшенную стройплощадку. За спиной Хелены находился лесопарк Лилль-Янскуген и Северный Юргорден. Перед ней — Эстермальмский стадион. Хорошо знакомые места, где она обычно совершала пробежки, теперь казались ей черными дырами.

— Люкке! — крикнула она изо всех сил, но шум машин с шоссе Лидингёвеген и удары ветра о брезент заглушили ее отчаянные попытки докричаться.

Харальд стоял под дождем возле лестницы и смотрел на нее так странно, что она не могла истолковать его взгляд.

— Не понимаю, — произнесла она. — Как ты мог так поступить? Как ты мог ее тут оставить?

— Пожалуйста, ну сколько можно, я...

У Харальда зазвонил телефон и, не закончив фразу, он достал его из внутреннего кармана плаща.

Отойдя на несколько шагов, заговорил тихим голосом.

Хлоя.

Хелена взглянула на свой телефон. Кому бы позвонить? Даже если бы и было кому, сказать ей нечего.

Она опять посмотрела на часы и перевела взгляд на залитый водой открытый корт.

— Что сказала Хлоя? — спросила она Харальда, когда он закончил разговор, хотя за секунду до этого решила именно этот вопрос не задавать.

— Давай не впутывать сюда Хлою.

— Не впутывать? А не поздновато ли? — Хелена принялась искать в сумке никотиновые жвачки. Она бросила курить больше десяти лет назад, но по-прежнему испытывала большую потребность в никотине. Осталось две жвачки.

— Не понимаю, где же полиция? — Она принялась жевать так яростно, что у нее почти свело челюсти. — Не могу взять в толк... Слова застряли в горле.

На парковку свернула полицейская машина, и сердце у нее забило сильнее.

Всего лишь одна машина. А она думала, что будет несколько.

Хелена проследила за машиной взглядом и, когда полиция остановилась перед ними на мощенной булыжником площадке, почувствовала, что не в состоянии все это пережить.

Из автомобиля вышли двое полицейских в форме.

Харальд двинулся им навстречу, Хелена шла за ним по пятам.

— Я Харальд Хёёк, папа Люкке. — Он протянул руку и поздоровался с двумя довольно молодыми полицейскими. — А это мама Люкке, Хелена Хёёк, извините, Энгстрём. — Он положил руку ей на спину.

Хорошо бы так было всегда, но он моментально опустил руку.

— Ее кто-то увел, — сказала она, встретившись глазами с одним из полицейских. — Вы должны нам помочь!

Слова вылетели из нее черной птицей.

— У вас есть основания считать, что ее кто-то увел?

Полицейский, представившись Фредриком, серьезно взглянул на нее.

Она покачала головой.

— Тогда не надо делать поспешных выводов.

— Нам в самом деле жаль, что так случилось... — сказал другой полицейский, высокий крупный мужчина с бритой головой, чье имя ей не удалось расслышать.

— К вам никто не обращался? А вдруг ее кто-то видел? Ведь она не могла просто так взять и исчезнуть? — перебила его Хелена.

— Нет, к сожалению, мы ничего не слышали. Пока что. Но все образуется. Мы найдем ее.

Фредрик пристально посмотрел на своего высокого коллегу.

Хелена поняла, что тот только что совершил ошибку, пообещав им нечто невыполнимое.

— Вы проверили больницы? Что вы обычно делаете? — спросила она.

— Обычно мы действуем по ситуации... — ответил Фредрик.

— Ее могли похитить?

— Мы понимаем, что вы страшно волнуетесь, и сделаем все, что в наших силах, чтобы найти вашу дочь. Сейчас мы должны воссоздать ход событий, чтобы получить более четкое представление о том, что произошло и как нам надо действовать, — продолжил Фредрик.

— Давайте сядем в машину, — предложил Харальд. — А то мы ходим под дождем уже почти два часа, и становится как-то не по себе. И психически, и физически. Ну, вы понимаете.

Фредрик кивнул и открыл дверцу машины.

— Ведь она была в куртке, Харальд, наверняка она была в куртке?

Харальд промолчал.

Они сели на заднее сиденье. В зеркале заднего обзора Хелена увидела, как ее рассматривает крупный полицейский. О чем он думает?

Она виновата.

И он прав. Исчез ее ребенок.

Двери машины захлопнулись. Харальд словно ничего не заметил. Полицейский продолжал пристально разглядывать ее в зеркале заднего обзора. Ей хотелось попросить его перестать, но она не осмелилась.

Повернулся ключ, и зажглась подсветка приборной доски. На потолке загорелись лампочки, на полную мощность включилось тепло.

Хелена наклонилась вперед.

— Что мы будем делать, чтобы найти ее?

— Давайте начнем все с начала, — сказал Фредрик. — Прежде чем идти дальше, мы должны получить представление о ситуации.

Как же медленно он говорил. Она посмотрела на Харальда, который расстегнул свой темно-зеленый дождевик и тер обеими ладонями лицо.

— Мы ее найдем, — сказал он.

Его светлые волосы были по-прежнему такими же густыми, как в молодости, вот только залысины стали больше.

— Все будет хорошо. — Харальд положил руку ей на колено. — Успокойся. Полиция здесь.

Сейчас ей больше всего хотелось броситься ему на шею и зарядиться его спокойствием. Ей хотелось ему верить. Что все будет так, как раньше.

Обручальное кольцо у него на пальце сверкнуло в свете лампы на потолке. Она отвела глаза и уставилась в тонированное стекло. По стеклу струился дождь.

— Так, давайте начнем сначала. Вы можете рассказать нам, что случилось? — Из кармана брюк Фредрик достал маленький черный блокнот и ручку.

— Теннис...

— Я...

Харальд и Хелена посмотрели друг на друга.

— Начинай ты, — предложил Харальд.

— Нет, почему я, это же твои выходные...

— Кто из вас видел ее последним? — прервал их Фредрик.

— Моя жена Хлоя, она отвезла Люкке на теннис.

— Хотя никакого тенниса не было, — вставила Хелена.

— Когда это было?

— Около четырех часов. Хочу уточнить — Хлоя не знала, что теннис отменили.

— Нам нужно поговорить с Хлоей. Значит, вы не знали, что теннис отменили?

Хелена немного засомневалась, но потом покачала головой. Краешком глаза она увидела, как Харальд взглянул на свои часы.

— Куда, по-вашему, Люкке могла пойти?

Оба покачали головами.

— У кого-нибудь есть вода? — спросила Хелена.

— К сожалению, нет. А забрать ее тоже должна была Хлоя?

— Да, именно так, — подтвердил Харальд, — к сожалению, я не мог забрать Люкке. На работе возникло одно дело, и я послал Хлое сообщение и попросил ее приехать сюда, но потом оказалось, что она его не получила.

— *Сообщение*, — почти выплюнула Хелена. — Если ты не получил ответ, почему не позвонил, чтобы убедиться?

Харальд смотрел перед собой пустыми глазами.

— Так кто же сюда за ней поехал?

— Никто, — коротко ответила Хелена и в ту же секунду услышала себя со стороны. — Можно я объясню? Я поняла, что что-то не так, когда было уже почти шесть, а Харальд все никак не привозил ее ко мне. На самом деле это не моя неделя, но я должна была взять ее на выходные. Люкке простужена и, понятно, не должна заражать их сына. — Хелена с

осуждением посмотрела на своего экс-супруга и продолжила: — Они должны были приехать ко мне в самом начале шестого. Я стала ему звонить, но не дозвонилась, и, в конце концов, приехала сюда.

— Почему? — вопросительно посмотрел на нее Фредрик.

— Чтобы проверить, не забыл ли он ее забрать. Такое уже случалось. Несколько недель назад из школы позвонила учительница и попросила забрать моего ребенка, поскольку школа уже десять минут как закрылась.

Хелене пришлось прервать оценку квартиры, чтобы заехать за Люкке и потом отвезти ее к Харальду домой. Он, как обычно, отрицал свою вину, на этот раз свалив все на няню, хотя Хелена знала, что няня всегда свободна по средам во второй половине дня.

Разобрать записи полицейского было невозможно, одни сплошные каракули. А сами-то они смогут их прочесть?

— Как только я понял, что возникло какое-то недоразумение, я поехал сюда, — стал оправдываться Харальд.

— Что нам теперь делать? Вы должны начать поиски! Когда подъедет подкрепление? — Хелена вытерла со лба несколько капель — она была в испарине. Стекла совсем запотели.

— Еще несколько вопросов. Как она была одета?

— На ней была теннисная форма, с собой — розовая сумка.

— Она чем-нибудь больна?

— Нет.

— Она часто убегает?

— Она никогда не убегала и вообще не из тех детей, кто так делает, — коротко ответила Хелена.

— Она очень замкнутая девочка и на такое не способна, — добавил Харальд.

Хелена заметила татуировку у молчащего полицейского, у того, кто просто сидел и пристально смотрел на нее в зеркало заднего обзора, и попыталась прочесть длинное предложение, обвивающее его шею.

— Вы позвонили ее друзьям?

— Конечно, позвонили.

— Хорошо. Я понимаю, что это ужасная ситуация, но давайте начнем с того, что лежит на поверхности. Вы уверены, что она не пошла домой? Детей часто находят дома. Спящими в постели. — Он осторожно улыбнулся.

— У нее нет ключей от моей квартиры, а Харальд только что говорил со своей женой.

— Нет, дома ее нет. Я понимаю, что вы должны задавать такие вопросы, но поверьте, мы перебрали все возможные варианты. Мы не знаем, где ее искать.

— Каждый день исчезают сотни людей, и большинство из них находятся. Чаще всего они не рассказывают родным о своих планах.

У нее сомкнуло челюсти.

— Планы. Ей восемь лет.

— Возможно, она просто потерялась здесь, в парке Лилль-Янсскуген.

— Харальд, а вдруг она без куртки!

Харальд наклонился к переднему сиденью.

— Послушайте, я понимаю, что вы должны рассматривать самые разные альтернативы, но я знаю свою дочь — она никогда бы никуда не ушла одна. Мы теряем драгоценное время. Послушайте нас. Надо начать поиски, — сказал Харальд.

Дождь усилился и лупил по крыше так, словно в нее заколачивали гвозди.

— Мы делаем то, что можем.

Фраза звучала заученно и совсем неубедительно.

— Хотя это большой район, она не могла уйти далеко, но мы ничего не исключаем.

Ладугордсйердет, Юртхаген и Северный Юргорден. У вас есть фотография Люкке?

Хелена достала телефон и начала листать фотографии, но ей попадались только снимки квартир, которые она продавала.

Харальд, похоже, принялся делать то же самое, но вскоре, ни слова не говоря, положил телефон в карман.

«Наверняка — одни фото сына», — невольно подумала Хелена.

Наконец она нашла фотографию Люкке, сделанную на Пасху. Не очень удачная фотография, но лучше, чем ничего. Они пошли в Скансен. У Люкке выпал передний зуб, и по старой семейной традиции она могла загадать желание. Люкке захотела провести день в Скансене вместе с мамой.

Хелена вспомнила, как она удивилась, когда Люкке не попросила взять велосипеда или что-то в этом роде. Но Люкке настаивала на своем, и хотя у Хелены на самом деле не было времени, они поехали в Скансен. Еще одна жалкая попытка стать хорошей мамой. Они пошли в зоопарк посмотреть на животных, но это был один сплошной стресс. Во второй половине дня Хелена должна была показывать квартиры, и ей нужно было успеть сделать до этого массу дел. Внезапно Люкке начала кричать и плакать и успокоить ее было невозможно. Люди смотрели на нее с осуждением. *Плохая мама*. «Сосредоточьтесь на животных и перестаньте на нас смотреть», — вот что она тогда подумала. Откуда незнакомым людям знать о том, каково ей приходится?

Она протянула телефон.

— Годится. Я перешлю ее на свой телефон? — спросил полицейский.

Хелена кивнула.

— Каким будет ваш следующий шаг? — спросил Харальд. — Наверное, надо подключить отряд местной полиции?

— Можно открыть дверь, а то воздуха не хватает. — Хелена дернула ручку. — Пожалуйста, откройте дверь, — опять попросила она и стянула слишком плотно прилегающую к телу куртку.

— У вас есть вертолеты с тепловизорами? — спросил Харальд.

— Давайте все по порядку. У Люкке есть телефон?

Харальд покачал головой.

— Нет, мы собирались купить ей телефон, но...

— У Харальда другие приоритеты, — оборвала его Хелена. — Он должен был оплачивать расходы на содержание Люкке, но он предпочел тратить все деньги на свою новую семью.

Харальд проигнорировал ее и продолжил:

— ...но она еще слишком мала.

— Мне не хватает воздуха, откройте дверь.

— Мы разошлем везде приметы, чтобы водители такси тоже получили эту информацию. Сейчас мы вызовем сюда подкрепление.

— Не отходите далеко, — сказал другой полицейский наконец, открыв дверь.

Хелена выскочила из машины. Сделала несколько глубоких вдохов и подняла лицо вверх,

ПОДСТАВИВ ЕГО ДОЖДЮ.

Эллен бесцельно колесила по городу, пытаясь отвлечься. Она много раз набирала номер своей мамы, но так и не позвонила. Сказать ей было нечего, и она сделала музыку погромче.

По ветровому стеклу стекали потоки дождя.

Она сосредоточенно слушала музыку на предельной громкости. Самое милое дело.

Вместо того чтобы поехать домой, она решила вернуться обратно на работу, хотя делать этого не следовало.

Она миновала Йердет и свернула на улицу Тегельуддсвеген.

Несмотря на неистовую работу дворников, все равно ничего не было видно, и она в который раз напомнила себе о том, что надо поменять резинки на щетках.

Темнота не прибавляла видимости. В лужах отражался свет автомобильных фар.

Но, подъехав к зданию ТВ4, она не завернула на парковку, а почему-то проехала мимо и поехала дальше в сторону улицы Лидингёвеген, большой магистрали, соединяющей районы Лидингё и Эстермальм. По этой дороге теперь ездили все ее друзья. Как только у них появлялись дети, они переезжали в виллы на остров Лидингё.

Светофор на перекрестке горел красным.

Эллен побарабанила пальцами по рулю. Что она делает? Она что, поедет на Королевский теннисный корт?

Светофор переключился на желтый.

А она это выдержит?

Зеленый.

Она ударила по рулю, чтобы заглушить нарождающиеся в ней чувства.

Опять зажегся красный свет.

Она сделала несколько глубоких вдохов.

— Смерть, смерть, смерть, — закричала она.

И тут она увидела, как полицейская машина въезжает на корт через парадный въезд, который обычно закрыт. Возможно, его открыли из-за обстоятельств.

Обстоятельств.

Когда во второй раз загорелся зеленый, она наконец решилась, пересекла Лидингёвеген, въехала в деревянные ворота вслед за полицейской машиной и остановилась немного поодаль от трех полицейских машин, которые уже припарковались у корта.

Ей не нужно здесь быть.

Она подпрыгнула от стука в стекло машины. Увидев хорошо знакомое лицо, тихо вздохнула, но опустила стекло.

— Что такая красотка делает тут ночью? — к ней склонился Раггар. — Моет машину под дождем или просто едет мимо, зная, что я здесь? — Он подмигнул одним глазом, одновременно причмокнув губами. — Ладно, шутки в сторону. Журналисты нам здесь не нужны.

«Так необычно», — подумала Эллен.

Дождь начал быстро затекать в машину, а ветер трепал ей волосы.

— Как дела?

— Да так, ничего нового. Только что сюда прибыл патруль с собакой, который прочесывает окрестности. Мы найдем ее раньше, чем ты проснешься.

Какой же он крупный и самоуверенный. Она впервые встретила с ним много лет назад, когда он работал охранником в уличном кафе *Кухня*, которое во времена ее учебы в гимназии находилось в помещении. Эллиен тогда была еще слишком юной, чтобы ходить в такие заведения. Но он обычно всегда пускал ее с приятелями. Она вспомнила, как он хвастался сшитой на заказ одеждой — ведь он такой большой и вообще одни сплошные мускулы. Возможно, то же самое было и с полицейской формой. Теперь он работал в городской полиции, и она часто на него натывалась. Его звали Раггар. По слухам особой смекалкой он не отличался. Наверняка его просили вести себя тихо, когда бригада выезжала на место преступления, чтобы он не опростоволосился. На шее он сделал себе татуировку: *If you can't do the time, don't do the crime*^[1].

— Машина должна быть без единого пятнышка — ведь последнюю неделю льет, как из ведра. — Он сделал шаг назад и окинул взглядом ее машину, а потом опять наклонился вперед. — Или у розовых авто все не так? — Он громко рассмеялся.

— Раньше? — спросила она.

— Что раньше?

— Ты сказал, что вы найдете ее *раньше*. Вы ведь будете искать ее, пока не *найдете*, или как?

— Ну да, понятно, но ведь уже поздно... — Он скосил глаза на наручные часы.

— А сколько человек ее ищет? — Эллиен нетерпеливо оглянулась.

— Сейчас здесь четыре машины. Если мы не найдем ее сегодня вечером, то найдем ее завтра, вот увидишь. — Он опять подмигнул одним глазом.

Кто-то должен сказать ему, что так не пойдет.

— Завтра? А я могу чем-то помочь сегодня?

Он положил руку на опущенное стекло. Запахло табаком.

— Послушай. Вы, журналисты, не каждый день предлагаете свою помощь. Что случилось? Я что-то пропустил или, может быть, ты просто хочешь потусить здесь со мной? Поезжай лучше домой. Уважь свою семью. Надеемся, что завтра утром новости будут лучше. Хорошо?

Он прав, ей здесь делать нечего.

— Если когда-нибудь захочешь сесть за руль моей машины, просто скажи. — Она подняла стекло и завела двигатель.

Но не успела Эллиен включить задний ход, как ее взгляд упал на женщину в юбке и пиджаке с длинными темными волосами, которая, съездившись, стояла у входа. Наверное, мама девочки.

Эллиен выключила машину и вышла.

— Послушай, я же просил тебя не вмешиваться. — Раггар поднял руку. — Я сказал, что журналисты нам тут не нужны.

— Брось. Смотри на меня как на обычного человека, который хочет помочь с поисками. — Эллиен направилась к входу, но матери там уже не было.

Вместо этого она увидела автомобиль старшего смены, куда стекалась вся информация. Вокруг автомобиля стояли полицейские.

Ветер бил ее по голым ногам. Она до самого горла застегнула кожаную куртку.

Раггар пошел за ней.

— Молодец, — произнесла блондинка средних лет, сидевшая на водительском сиденье с опущенным стеклом. На груди у нее висел значок старшей смены.

— Я пытался, но... — В голосе Раггара поубавилось крутизны.

— Но ты не справился с единственным заданием, которое я тебе поручила, — не пускать сюда журналистов.

Она со злостью посмотрела на Раггара и Эллен и снова принялась разглядывать карту, разложенную на приборной панели.

Рядом стояли два полицейских-практиканта. Эллен очень надеялась, что, несмотря на их юный возраст, работают они продуктивно. Но почему-то у нее возникло чувство, что это не так. Они скорее напоминали двух мокрых щенков, которым хотелось домой.

Эллен подошла к старшей смены и кашлянула.

— Я не знаю, что ты собираешься делать, но мы пытаемся найти девочку, которая исчезла. Ты нас извини, но у нас нет времени на журналистов, которые ходят и что-то тут вынюхивают. Мы друг друга поняли?

— Но...

— Вычеркни К5. Рупстен — Кунглига, — сказал полицейский, сидевший на пассажирском сиденье.

Старшая нарисовала на карте крест. Эллен наклонилась ближе к окну и увидела, что вся карта расчерчена на квадраты. Почти каждый квадрат был перечеркнут.

Эллен вопросительно указала на карту.

— Мы ее найдем, — заверила старшая, поняв, что Эллен собирается сказать. — Но погода нам в этом не совсем способствует. Не могла бы ты отойти?

Эллен сделала, как ее просили, но встала довольно близко к открытой двери со стороны водителя, чтобы слышать сообщения, поступающие по рации из машин, работающих на выезде.

Одна машина сообщила, что они говорили с хозяином собаки в районе Норра Юргордсстаден, но тот не видел ничего существенного.

Рация опять затрещала.

— Вычеркни К8. От Эстермальмского стадиона до улицы Вальхаллавеген — ничего.

— А вы проверили, есть ли здесь камеры наружного наблюдения? — Эллен повернулась к двум полицейским, дрожавшим от холода рядом с ней.

— Они есть, но их нельзя использовать.

— Все камеры закрыты брезентом. — Один из полицейских показал на строительные леса, закрывающие фасад.

В отдалении послышался шум. Один из немногих звуков, которому удалось пробиться сквозь ветер и удары брезента и канатов о три флагштока за кортом.

— Вертолет на подходе, — сообщил полицейский, вышедший из другой машины.

— Как получилось, что вы до сих пор не задействовали вертолет? Ведь ее нет уже почти восемь часов? — Эллен опять повернулась к старшей.

— В Средней Швеции у нас только два вертолета. Когда мы позвонили, один был на Готланде, а другой — на задании в Стренгнесе. Подвинься. — Старшая повернулась к другому полицейскому. Они обменялись парой слов, но Эллен не смогла их расслышать.

Информация по рации постоянно обновлялась. Ничего нового. Сплошные вычеркивания.

Над их головами кружил вертолет. Она подняла голову вверх, и ей в лицо ударил дождь. Лучи от вертолетных прожекторов были направлены вниз и освещали все вокруг. Ее подмывало спросить, куда подевалась мама девочки, но она не хотела, чтобы полицейские

подумали, что она собирается вступить в контакт с семьей. Возможно, родители девочки сидят в другой полицейской машине. За тонированными стеклами ничего не было видно.

От долгого стояния у Эллен заболела спина. Она потянулась и огляделась.

Остановилась глазом на открытых кортах, похожих на бассейны.

Боже мой! Бассейн!

Эллен помчалась по мокрым булыжникам и, перевесившись через холодную стену, заглянула в аквазону. На осмотр бассейна ушла всего секунда — она не увидела ничего примечательного, кроме несколько пустых банок из-под газировки, которые колыхались в воде. Хотя бассейн был освещен, и она отчетливо видела, что на дне, разрисованном под теннисный корт, никого нет, она быстро перелезла через стену к бортику бассейна.

— Что-нибудь нашла?

Раггар шел за ней.

Эллен обошла бассейн, чтобы убедиться, что девочка не прячется где-то поблизости.

— Люкке! — крикнула она и подвинула шезлонги, стоявшие в ряд вдоль бортика. Она сделала еще один круг, не в силах избавиться от ощущения, что вода хочет ей что-то сказать.

— Мы проверяли бассейн, в нем никого нет. Мы осмотрели всю территорию.

— А ты уверен, что она не прячется? — спросила она.

Раггар кивнул.

— А она умеет плавать? — Сердце начало медленно уходить в пятки.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — ответил Раггар. — Разве в восемь лет дети умеют плавать? Надо же зарабатывать, как их, плавательные баллы и все такое. По крайней мере, в мое время было так. Сколько мне тогда было? Черт, не помню...

Эллен точно знала, сколько плавательных баллов можно заработать в восемь лет, но промолчала.

— Где ты? — прошептала она, сжимая окоченевшие пальцы. — Ты нас видишь? Ты прячешься?

Она огляделась. Обернулась кругом. В темноте ей показалось, что в кустах шевелятся какие-то тени.

— Люкке, выходи!

— Эй, ты в порядке? — к ней подошел Раггар.

— Ты видел?

— Что?

— Там что-то зашевелилось. — Она указала на кусты перед Эстермальским стадионом. — Нет, там! — Теперь она указывала за теннисные корты. — Ты видел?

— Я вижу только дождь, — отозвался Раггар.

— Она где-то здесь. — Эллен продолжала ходить по кругу, чтобы ничего не пропустить.

— Это оптический обман.

Она вдохнула запах черемухи и закашлялась. Чем энергичнее она дышала, тем тяжелее ей было вдохнуть.

— А не пора ли тебе домой? Такой холод никому не пойдет на пользу.

Эллен почти ничего не чувствовала. Она уже прошла точку замерзания — волосы хоть выжимай, будто она только что из душа.

Она медленно пошла за Раггаром к машинам.

— А почему ее ищут только полицейские? Может быть, надо позвать сюда тех, кто занимается ориентированием? Привлечь отряд местной самообороны?

— Разве в наши дни кто-то еще занимается ориентированием? — Раггар рассмеялся.

— Не знаю. Ну, тогда вызовите поисковый отряд. Что вы обычно делаете, когда пропадают люди? *В наши дни.*

— На то, чтобы организовать поиски силами добровольцев, у нас уйдет больше времени, чем если мы будем искать сами. У нас нет таких ресурсов. — Он положил руку на плечо Эллен в знак того, что разговор окончен.

— Давайте я помогу организовать поиски!

Раггар только покачал головой. Они подошли к машинам, и старшая смены снова бросила неприветливый взгляд на Эллен, прервав разговор с сидящим в машине коллегой.

Шум вертолета становился все слабее и слабее.

— Они уже все? Ведь они только что прилетели. Ее что, не будут искать с вертолета?

— Они искали, но в лесу искать практически невозможно, а на открытой местности поиски проходят быстро. Они ничего не увидели.

— На сегодня все. — Старшая подала какой-то знак, словно объявляла тайм-аут.

— Все? Что? Вы что, с ума сошли? Вы же не можете сейчас прекратить поиски?

— Сегодня мы больше ничего делать не будем. На сегодня поиски окончены.

— Но ведь речь идет о ребенке! Вы связывались с кавалерией? Может быть, они могут помочь. С лейб-гвардией? Позвоните на конюшню! Они же здесь, на Лидингёвеген. — Для наглядности Эллен показала в сторону конюшни. — Вы должны обратиться за помощью!

— Если ты сейчас же не оставишь нас в покое, нам, к сожалению, придется сделать то, что никому не понравится...

Но Эллен проигнорировала это предупреждение.

— Если сейчас вы сдадитесь, я расскажу об этом в завтрашних утренних новостях. Я расскажу, что вы сделали не все. Завтра может быть поздно. Вы слышите, что я говорю? Вызовите сюда подмогу! Вы же не можете просто так пойти домой и лечь спать!

— Сделать больше мы всегда можем, но надо быть реалистами. — Старшая подняла стекло.

Остальные полицейские расселись по машинам и выехали в сторону Лидингёвеген.

— Эй, реалисты! — крикнула Эллен им вслед.

Хлое приснилось, что у нее выпали все зубы. В отчаянии она подбирала их по одному с пола и пыталась вставить обратно в десны, стараясь пальцами удерживать их на месте. Но удерживать все зубы одновременно не получалось — они продолжали выпадать.

Ее разбудил пронзительный вой сирены с улицы.

— Харальд! — вскрикнула она, садясь на диване. Звук сирены стих. На всякий случай она проверила, на месте ли зубы, и с облегчением вздохнула, поняв, что это всего лишь сон.

Она не выключила телевизор, и с экрана негромко рекламировали какой-то интернет-магазин, где продавали тренажеры, способные творить чудеса.

Хлоя посмотрела на телефон — часы показывали четверть пятого утра. Ни одного пропущенного звонка. Где Харальд? Он пришел домой? Они нашли Люкке?

— Харальд! — позвала она еще раз, вставая с теплого мягкого дивана.

Она вытерла под глазами, чтобы проверить, не потекла ли тушь. Зажав светлые локоны между указательным и средним пальцами, уложила волосы, словно щипцами.

Она взяла с придиванного столика видеоняню, стоящую на кипе журналов для мам, и включила устройство на полную громкость. Услышала легкое дыхание своего сына. Напряжение в шее и плечах немножко спало. На дисплее она увидела Людде. Картинка была немного расплывчатой, но было понятно, что он мирно спит в своей кроватке.

Ей захотелось просто подойти к нему, взять его на руки и обнять. Подержать на руках. Крепко прижать к себе и никогда не разжимать объятий.

На одном из кресел валялся свитер Люкке. Хлоя сразу же почувствовала раздражение. Но на этот раз оно быстро прошло. Она взяла свитер и прижала его к себе. «Я знаю, — подумала она, — Люкке всего лишь ребенок».

Хлоя прошлась по квартире, только чтобы удостовериться, что Харальд домой не приходил. Она попыталась ему позвонить, но он не ответил. При входе на кухню Хлоя споткнулась о банки с краской, стоявшие прямо на полу. Очень больно ударив палец на ноге, раздраженно выругалась по поводу того, что они никак не могут закончить ремонт. Какой идиот поставил банки на проходе? Людде не может спокойно ползать, рискуя пораниться о разбросанные повсюду инструменты и лизнуть ядовитую краску. Жить дальше в этой строительной пыли становится опасным для здоровья. Она должна попросить Харальда снова поговорить с рабочими о сроках.

Ремонт шел с тех пор, как они купили квартиру больше года назад. Они провели в гостинице Харальда несколько самых хлопотных месяцев, но когда спальни и ванная комната были готовы, переехали домой. Они больше не могли жить на чемоданах. Им приходилось переезжать из номера в номер из-за различных гостей, которым отдавалось предпочтение.

Когда они жили в гостинице, она почти не виделась с Харальдом. Он словно пользовался случаем и работал круглые сутки, раз уже все равно был на работе. Каждую вторую неделю вместе с ними в гостинице жила Люкке. Когда люкс был занят, они занимали два двухместных номера. Харальд и Люкке всегда селились в одном номере.

Раз от раза легче не становилось. Хлоя знала, что нельзя ревновать к ребенку, но ничего не могла с собой поделать. Харальд делал выбор не в пользу ее и Людде.

Харальд быстро напомнил ей, что они живут тут ради нее. Ведь именно она так хотела

эту квартиру. Да, конечно, это так, но ведь и он не возражал? Разве это не было их совместным желанием?

Как только она забеременела, они принялись искать жилище своей мечты. Ей хотелось жить только на улице Карлавеген. Она выросла на этой улице, и все школы, в которые она ходила, были в двух шагах оттуда.

Окна должны выходить на солнечную сторону с видом на аллею посреди улицы. Рядом с супермаркетом «Айса эспланад». Не станет же она ходить за покупками в «Куп», который находится немного дальше.

Когда они наконец нашли достаточно большую квартиру в правильном месте, оставалось только ударить по рукам. Они купили квартиру со свежим ремонтом, но у предыдущего владельца полностью отсутствовал вкус, и ей совсем не нравилась планировка.

Они переделали все.

Хлоя собралась налить себе чаю, когда услышала поворот ключа во входной двери. Она отставила в сторону электрочайник и поспешила в холл.

Харальд как парализованный стоял на коврик у входа и пристально смотрел в пустое пространство. Будто ее тут не было. На сапогах застыла глина, с одежды текло.

— Ничего? — спросила она.

Он покачал головой:

— Ничего.

Тон у него был подавленный.

— Ужасно. Где она может быть? Что говорит полиция?

Харальд ничего не ответил и рухнул в кресло.

— Надо снять с тебя мокрую одежду, ты заболеешь. — Она попыталась помочь ему скинуть куртку, но он только отмахнулся.

Сделав несколько глубоких вдохов, она попыталась понять, что происходит.

— Ты чего-нибудь хочешь? Чаю? Воды?

Харальд закрыл лицо руками.

Хлоя провела рукой по его мокрым волосам. Прикоснулась губами ко лбу.

— Завтра придет мама и посидит с Людде. Мне жаль, что сегодня вечером я не могла искать вместе с вами. Мы ее найдем. Я уверена.

Харальд, похоже, слушал ее вполуха.

— Завтра все закончится. Завтра она опять будет здесь, с нами. — Хлоя попыталась говорить убедительно.

Харальд встал и пошел по коридору в сторону спален. На полпути повернулся и посмотрел на нее пустыми глазами.

— Пойду лягу.

— Сейчас? — Она удивилась и не смогла скрыть разочарование. — Давай поговорим.

— Я страшно устал и должен поспать. — Он отвернулся от нее и пошел дальше. Его сапоги оставляли мокрые следы на только что выложенном елочкой паркете.

— Я тут сижу целый вечер, волнуюсь. Без конца звоню тебе, но все без толку. И вот ты приходишь домой и сразу же ложишься!

От злости она была готова рвать и метать.

Харальд задержался у комнаты Люкке и открыл дверь. Зажег свет и сразу погасил его. Посмотрел на пол, а потом направился в их спальню в самом конце коридора.

Хлоя пошла за ним.

— Ты считаешь, что это моя вина? Я не получала твое сообщение. Я не знала, что должна забрать ее. Ты можешь проверить в моем телефоне, если не веришь мне.

Харальд, не раздеваясь, молча лег на покрывало.

— Погаси свет, — попросил он ее.

Хлоя стояла в дверях.

— Но в чем дело? Ты злишься на то, что я оставила ее на Лидингёвеген? Ты ее чересчур опекаешь. Ей уже восемь лет. Разве она не в состоянии пройти несколько метров до входа? — спросила она.

— Разумеется, в состоянии. Нет, я не злюсь, — ответил он.

Его спокойный голос еще больше вывел ее из себя.

— Ты бы хоть разделся.

На самом деле ей было все равно, что станет с паркетом фирмы «Миссони» от его грязных сапог и мокрой одежды. Но она ухватилась за первое попавшееся, пытаясь заставить его выслушать ее.

У Харальда зазвонил телефон. Первый раз с тех пор, как он пришел домой, он на что-то отреагировал. Он быстро достал телефон из кармана брюк и ответил.

— Алло? Нет, не знаю. Я только что говорил с полицией, у них нет никакой новой информации. Они давно сдались. Да, я только что вернулся. Конечно, теперь постарайся поспать. — Он положил телефон на ночной столик и случайно опрокинул фотографию ее и Людде в рамке, которую она туда поставила.

— Кто это был? — спросила она, хотя уже знала.

Харальд свернулся калачиком, по-прежнему к ней спиной.

— Почему ты не отвечаешь, когда я с тобой разговариваю? — Она понимала, что находится на грани истерики, но ничего не могла с собой поделать.

— Потому что ты еще больше выйдешь из себя, если я скажу, кто это. Честно говоря, у меня сейчас на это нет сил.

— Почему с Хеленой ты можешь говорить, а со мной не можешь?

Ее охватил сильный приступ ревности.

Она подошла к кровати и взяла его за руку, пытаясь развернуть его к себе.

— Пожалуйста, Харальд, не выводи меня из игры. Ты что, не понимаешь, как я волнуюсь? Я пыталась связаться с тобой целый вечер. Почему ты со мной не разговариваешь?

На глаза навернулись слезы.

— Хлоя, я не вывожу тебя из игры. Дело не в тебе. Попробай это понять. Пожалуйста, давай поговорим об этом завтра. Мне надо хоть немного поспать, а потом я опять поеду на поиски. И пожалуйста, не кричи так, ты разбудишь Людде.

Хлоя запахнула халат и так хлопнула дверью, что задрожали стены.

Выйдя из комнаты, сползла на пол. Все шло не так, как она себе представляла.

Эллен с трудом нажимала на клавиши — ладони все еще были совершенно окоченевшими. Она сидела в мокром платье, поскольку не успела съездить домой переодеться.

Она поехала прямо на работу, чтобы выложить приметы девочки и призвать посетителей сайта и зрителей обращаться на ТВ4, если они что-то видели или слышали.

Она стянула с себя насквозь промокшие, запачканные глиной туфли и забралась с ногами на стул, чтобы попытаться согреться.

Поскольку полиция четко дала понять, что не хочет никакой информации от общественности из-за нехватки ресурсов, коллега из веб-отдела помог Эллен создать отдельный аккаунт и электронный почтовый ящик для входящей информации, куда будут поступать все электронные письма, смс-сообщения и звонки от граждан.

Всю ночь она искала Люкке. В конце концов, она связалась с добровольным поисковым отрядом и после согласия полиции и родственников девочку объявили в розыск.

Потрясающе, сколько же людей им удалось собрать в дождливую холодную ночь с пятницы на субботу. Почти двести человек прочесывали парк Лилль-Янскуген и район Норра Юргорден. Они искали в канавах, на велосипедных дорожках, в лесу и на лестничных площадках.

Но Люкке словно след простыл.

Эллен, как заведенная, обновляла ящик входящих сообщений от телезрителей, но ничего ценного пока не было. «Наверное, люди еще спят», — подумала она. Несколько поступивших писем носили шуточный характер; кто-то видел, как Эмиль поднимал Люкке на флагшток Королевского дворца, кто-то видел ее среди участников *Танцев со звездами*. Банально и пошло. Ее раздражало, что Уве прав. Но в первую очередь в ней самой зрело неприятное чувство.

Эллен открыла браузер и зашла на форум «Флэшбэк», чтобы посмотреть, что они успели сделать. В рубрику «Актуальные темы» уже поступила информация о Люкке. Там были выложены ее приметы и фотография, которую Эллен дала полиция.

Среднего телосложения. Рост 130 см. Белая теннисная юбка и футболка. Розовая сумка с теннисной ракеткой. Длинные светло-каштановые волосы.

Имелась также ссылка на телеграмму из выпуска новостей и две короткие заметки с сетевых страниц вечерних газет. Слухи о том, что папа, наверное, узнал, что девочка не его. Может быть, он почувствовал себя обманутым и преданным, словно всю жизнь жил в мире иллюзий.

Эллен вздохнула и открыла новый документ, чтобы записать ту информацию, которую удалось собрать о семье.

У матери Люкке было довольно обычно имя, и Эллен пожалела, что нельзя сразу отфильтровать всех спортсменов с таким же данными и ссылки на продажи квартиры. Ничего ценного о матери она не нашла.

О Люкке также ничего не было. Она была слишком маленькой, чтобы оставить след в Интернете, и к тому же ее имя не разгласили. Пока что.

Эллен увеличила фотографию девочки.

Волосы Люкке развевались на ветру. Похоже, фото была сделано в Скансене, рядом с

оленьями.

Хорошенькая девочка. Ангельское личико с маленьким носиком, ясными глазами и длинными, слегка волнистыми волосами. Рот полуоткрыт, и, похоже, между зубами щербинка.

— Где ты? — прошептала Эллен, словно фото могло дать ответ.

— С кем ты разговариваешь?

— Как ты меня напугал! — Она аж подпрыгнула.

— Извини. С тобой все в порядке? — Джимми пристально смотрел на нее.

Она пожала плечами.

— Так рано, а ты уже на работе, — заметил он.

— Ты тоже. — Она мельком взглянула на него. Интересно, как для него закончился вчерашний вечер. Волосы взъерошены, одет в джинсы, толстовку и камуфляжные кеды «Ванс».

— Я набросала сценарий для первого выпуска новостей.

— Хорошо. В каком ключе?

— Что ты имеешь в виду? Мы призываем общественность помочь нам в ее поисках. Она находится где-то неподалеку, и мы должны ее найти. Ты говорил с редактором «Утра новостей»? Мы должны задействовать как можно больше ресурсов. — Она встала и направилась на кухню. — Теперь пойду налить себе кофе.

— А ты знаешь, что на тебе нет туфель? — Джимми пошел за ней. — Подожди.

Эллен остановилась.

— Я только что говорил с моим источником в полиции и узнал, что ты пыталась задействовать кавалерию, поисковый отряд и бог знает что еще. Мой источник также сказал, что ты угрожала полиции написать о том, что они не выполняют свою работу.

— Ты и твои источники. — Она продолжала идти.

— У нас должны быть хорошие отношения с полицией. Это крайне важно для нашего выживания.

— Ты это серьезно? — Эллен остановилась и покачала головой. — Крайне важно найти девочку живой. В буквальном смысле этого слова. И если я тебя правильно поняла, ты считаешь, что мы не должны реагировать, если полиция ошибается или не выполняет свою работу?

— Успокойся. Естественно, мы должны оценивать работу органов власти, но полиция никакой ошибки тут не совершила. У них есть свои наработки, которым они следуют, — продолжал Джимми.

— Абсолютно верно, это твой взгляд на вещи, только их наработки не сработали. Они ее не нашли.

— Нет, но и ты ее не нашла, хотя подняла на ноги весь город, ведь так?

Эллен глубоко вздохнула.

— Что-то еще? — Она встала лицом к кухонному шкафу, не ожидая ответа.

Он действительно не помнит?

— Эллен?

— Что? — Она неохотно повернулась.

— Нам надо поговорить.

— Говори. — Она взяла в шкафу последнюю чистую кружку и поднесла к кофейному автомату. Нажала на кнопку «Экстракрепкий кофе». Машина глухо загудела, но кофе не лился

в стаканчик.

Она со злостью пнула автомат.

— Успокойся.

Эллен нажала на кнопку еще раз и почувствовала больше облегчение, когда у Джимми зазвонил телефон.

— Подожди, я должен ответить, — сказал он и отошел.

Кофе наконец полился в чашку.

— Держите меня четверо, что я вижу? На работе после бурной ночи.

Это был Филип. Как обычно, он говорил громко и четко, так что его поневоле слышали все, кто находился в тот момент на кухне, хотели они того или нет.

— Мне кажется, я никогда не видел тебя в одной и той же одежде два дня подряд. И без туфель. Ну, как он? — Филип ослепительно улыбнулся. От него пахло стиральным порошком и шампунем.

— Привет. — Эллен сделала глоток свежего кофе.

— Ты знаешь, что твои глаза похожи на два только что побритых лобка?

Эллен чуть было не выплюнула кофе на пол, но ей удалось удержать его во рту.

— Что? Ты с ума сошел?

— Придешь ко мне в примерку, когда будет время, и я приведу тебя в порядок, — ответил Филип.

— Тут грим не поможет.

— Извини меня, но ты говоришь с одним из лучших шведских визажистов. Ты понимаешь, что только что оскорбила меня. По-крупному. — И хотя Филип соорудил одну из своих самых безобразных гримас, он был хорошенький, как кукла. Его лицо обрамляли золотистые выющиеся волосы. Фарфоровая кожа и длинные темные и, разумеется, загнутые ресницы.

Подойдя поближе, он прошептал:

— Что, хорошо было? Сколько раз?

— Эллен всю ночь искала пропавшую девочку, — сказал Джимми, который уже закончил разговор.

— Что ты делала? — На этот раз Филип спросил серьезным тоном и покачал головой. — Скажи, что ты шутишь, — продолжал он, открывая кухонный шкаф.

— Больше ее никто не искал... — Слова застряли у нее в горле.

— Послушай. — Он смотрел на нее в упор. — Это не твоя ответственность. Это не твоя вина. Ты меня слышишь? — Он взял ее за подбородок. — Ты не можешь изменить то, что случилось, найди ты эту девочку или нет. Ничего не изменится.

Филип открыл еще один шкаф.

— Вы что, издеваетесь надо мной? У нас четыре посудомоечных машины и ни одной чистой чашки? — Он сорвал со стены белой гламурной кухни лист А4. — Вы читать умеете? — Он поднял лист, чтобы все, сидящие за круглым столом, смогли его увидеть. — *Твоя мама здесь не работает.* Что тут непонятного? Я в шоке. — Он смял листок. — Но еще больше я беспокоюсь. Страшно беспокоюсь. Слышишь? Ты посмотри на себя. На тебе это скажется.

Филип знал ее лучше всех. Они подружились еще в юности, когда вместе учились в школе-интернате Лундсберга. Они сразу же нашли друг друга. Обоих отправили туда против их воли. Эллен потому, что ее родители наконец смогли от нее избавиться, а Филипа потому,

что гомосексуальность портила имидж семьи аф Лестер.

Он взял грязную чашку, стоявшую в мойке.

— Ты можешь попытаться хоть один раз подумать о себе? — спросил он и начал мыть чашку руками.

— Эллен, нам надо поговорить, — вклинился Джимми.

— Ну ладно, — прервался Филип, — не буду вам мешать. — Я все равно не смогу выпить здесь кофе. — Он положил чашку в мойку и вытер руки. — Занимайтесь своими делами, а я пойду гримировать Лотту Энгберг, что не менее важно. Она будет петь детские песенки с прелестным маленьким детским хором. — Подмигнув одним глазом, он бросил на Эллен странный взгляд и исчез в сторону гримерки.

— Через час, когда все будут на месте, мы проведем совещание с остальными членами нашей команды, — объявил Джимми. — Я хочу, чтобы ты продолжала работать над этим делом, если с тобой все в порядке.

Эллен кивнула.

— Анна пусть собирает материал. — Джимми взял булочку с барной стойки. — Оператором у тебя будет Андреас.

— Он уже вышел из декретного отпуска?

— Как раз сегодня его первый рабочий день. Он не снимал несколько месяцев, но считается лучшим. Впрочем, ты и сама это знаешь. — Джимми многозначительно посмотрел на нее.

Андреас и Эллен встречались недолгое время, когда она пришла работать на ТВ4, но сейчас они были просто коллегами.

Джимми разрезал булочку пополам и намазал ее маслом.

— Если меня не подводит интуиция, до конца этого дела еще очень далеко. А интуиция меня обычно не подводит. — Он отрезал сырорезкой несколько ломтиков сыра, сверху положил ломтик ветчины, три кружочка огурца и кусочек красной паприки. Получился человечек. — Красиво, правда?

Эллен почувствовала себя совершенно без сил, она едва могла стоять на ногах. Она не спала больше суток.

— Ты в порядке? — Он взял ее за руку.

Она отдернула руку.

— Да.

— Хорошо, извини. Извини.

— Просто я устала.

— Ты можешь работать?

— Да. Мы должны найти девочку. — Она сделала глоток кофе.

— Да, но еще мы должны создавать новости и самое важное в данный момент... — Джимми откусил большой кусок бутерброда и, прожевав его, продолжил: — ...ты можешь сделать так, чтобы мама девочки участвовала завтра в утренней передаче?

— Что? У Тильды?

— Завтра День матери. — Он откусил еще кусок бутерброда. — Стопроцентное попадание.

Сбросив с себя одеяло, она села на кровати. И только через несколько секунд вспомнила, что случилось.

Она продолжала сидеть на кровати, закрыв голову руками. Влажные волосы нависали на уши. Голова болела, во рту пересохло.

Очевидно, она задремала после душа. Она помнила, что легла на кровать, обмотавшись сырым полотенцем, чтобы дать отдых глазам. А сейчас уже восемь. Значит, она проспала почти три часа.

Она медленно встала и сделала несколько шагов. Ноги ныли после вчерашних поисков.

Из-под одеяла раздалось жужжание. Она стала лихорадочно искать телефон и, в конце концов, нашла его под подушкой.

— Хелена. — После вчерашнего крика у нее почти пропал голос, и было больно глотать.

— Привет, это Юнас Вагт из «Афтонбладет». Извини, если я не вовремя...

— «Афтонбладет»? — У нее совсем пропал голос. Она откашлялась, чтобы вернуть его. — Так ты из газеты?

— Да, именно. Самая большая вечерняя газета в Швеции. Извини, что звоню так рано, — продолжил он. — В первую очередь прими мои соболезнования.

Сердце бешено забилося.

— Соболезнования? Что ты хочешь сказать? Разве полиция нашла ее? Она...?

— Нет, нет. По крайней мере, мне это неизвестно. Извини, если не так выразился, я хочу сказать, что нам жаль, что ваша дочь пропала. Мы хотим сделать все, что в наших силах, чтобы помочь ее найти, и мы заметили, что наши читатели горят желанием помочь. Поэтому хотим тебя спросить: а ты не хочешь вести для нас блог, чтобы читатели могли следить за поисками?

— Что?

— Тебя, должно быть, испугало слово «блог», но обычно это не занимает много времени. Ты можешь рассказывать мне, а я буду записывать. Мы называем это «блогом» главным образом для читателей. Понимаешь ход моих мыслей?

— Блог?

— Да, именно, — подтвердил журналист.

— Ты что, шутишь?

— Нет, вовсе нет, разреши мне объяснить...

Не дав ему продолжить, она положила трубку.

У нее зачесались руки. Потом плечи. Она неистово чесалась, одновременно листая пропущенные звонки — ни одного знакомого номера.

Она прослушала сообщения на автоответчике. У нее хотели взять интервью шесть различных газет и сайтов.

Теперь у нее чесалась вся спина.

Хелена надела халат и пошла на кухню. Выдвинула верхний ящик под мойкой. Она жила в этой квартире почти четыре года, но так и не привинтила ручки к белым дверцам. Несмотря на большое количество попыток, ящики так и оставались без ручек. И она привыкла.

Ящик был доверху забит. Она перебрала несколько коробочек и баночек, пока не нашла

альведон. Потом ей попался никотинелл, и она быстро засунула в рот две жвачки. Открыла буфет и достала муку, сахар, гречку и пачку заготовки для кекса, срок годности которой истек несколько месяцев тому назад. Она все собиралась заняться выпечкой вместе с Люкке, но не хватало времени. Хелена дотянулась до задней стенки буфета — а вдруг там осталась пачка сигарет? Она пошарила рукой, но ничего не нашла.

Вместо этого взяла две таблетки альведона, запрокинула голову и проглотила их, не запивая.

Подойдя к окну, выглянула на улицу Ньюбругатан. Никого. В это субботнее утро все еще спали. словно ничего не случилось. Дождевая вода лилась вниз по слегка покато́й улице.

Тело все еще зудело, и на руках атели расчесы.

Хелена хотела было позвонить в полицию, но передумала. Может быть, лучше позвонить Харальду.

Всю ночь они искали Люкке и прекратили поиски только в четыре утра. Харальд поехал домой к своей семье, а Хелена поехала к себе домой. Она огляделась и тотчас вспомнила об электронном письме.

Его надо уничтожить.

Она выбежала в холл и села за маленький письменный стол, такой же узкий, как и ее лэптоп.

Они жили в маленькой трехкомнатной квартире. Спальня Люкке, ее собственная спальня и маленькая гостиная. Это все, что они могли себе позволить.

Когда они развелись, она получила от Харальда четыре миллиона. Вот ее стоимость. Ее ценник. Большие деньги, но только не для Харальда. Сумма никак не отразилась на его кошельке, и тем не менее он не пожелал дать ни ей, ни хотя бы Люкке, больше.

Она, конечно, могла бы купить более просторную квартиру в другом районе, но ей хотелось жить только на Эстермальме. Их дом не самый лучший на этой улице, но жить можно. Подземная парковка, хорошо организованное пространство. Удачное вложение, если на рынке жилья когда-нибудь произойдут изменения. Последний год дела шли неважно. Квартиры продавались с трудом. Престижный район или первоклассный ремонт никакой роли не играли. В наше время никто не хотел расставаться со своими деньгами.

Компьютер, как обычно, включился не сразу. Пока он загружался, у нее забилось сердце. Она сидела и барабанила пальцами по столу. Почему она не стерла мейл до того, как легла спать? А вдруг его кто-то нашел? Можно ли понять, что она его прочла? Она не представляла, возможно ли это.

Когда компьютер заработал, она вошла в электронную почту и принялась искать. Имя тренера по теннису выскочило у нее из головы. Задав в поиске слово «теннис», она наконец нашла письмо об отмене занятий и стерла его.

В ту же секунду зазвонил телефон. Она вздрогнула, словно ее застали врасплох, и прежде чем ответить, полностью очистила корзину.

Звонок был из полиции — ее просили прийти.

* * *

Через тридцать пять минут вместе с Харальдом она переступила порог комнаты для допросов в здании стокгольмской полиции.

Маленькая комната оказалась безликим офисом с ламинатом на полу и типичной казенной мебелью. Белые стены с желтоватым оттенком. Шторы не стирались несколько лет.

Хелена впервые попала в большое здание на острове Кунгсхольмен, если не считать тот раз, когда стояла в очереди за новым паспортом. Но это было в другой части здания.

Она не стала снимать пиджак, хотя он вымок по дороге от машины. Сжав ладони в кулак, она постаралась по возможности ничего не задеть в комнате, когда шла к одному из стульев, чтобы сесть.

Напротив них сидели два полицейских в штатском, с которыми они раньше не встречались. Оба — мужчины средних лет. Один представился как какой-то там дежурный, а другой — как руководитель следственной группы.

От названия их должностей ей стало не по себе.

Дежурный по имени Микаэль просматривал какие-то бумаги, а второй, Ларс, печатал на компьютере.

На обоих — клетчатые рубашки, заправленные в брюки. У руководителя следственной группы мобильник в водонепроницаемом чехле был прикреплен к поясу голубых джинсов. У обоих плохая осанка, оба сидели, наклонив головы вперед.

«Наверное, они согнулись под тяжестью всего того, с чем им приходится сталкиваться», подумала Хелена и выпрямилась.

Над ними висело несколько невыразительных постеров из «Икеи» с силуэтами больших городов. Один из них изображал Нью-Йорк до 11 сентября. Другой город она не узнала.

У нее накопилось множество вопросов к полицейским. Ей хотелось задать вопросы и попросить стакан воды, но она тихо сидела и ждала.

Харальд сидел с ней рядом, выглядел он неважно.

— Вы это узнаете? — вдруг спросил следователь и развернул экран так, чтобы им было видно.

Хелена вздрогнула и закрыла рот рукой.

— Где вы ее нашли?

На фотографии была сумка Люкке.

— Что это значит? — Она не понимала. Спина взмокла, и зачесалось одно плечо. Затем другое, и скоро снова чесалась вся спина.

— В парке Роламбсховспаркен, — кратко ответил полицейский.

— В парке Роламбсховспаркен? — Голос у Харальда дрожал. — Почему там? Вы можете объяснить?

— Да, я понимаю, у вас будет масса вопросов, и мы ответим на все, что сможем, — сказал дежурный полицейский, растягивая слова. — Сейчас трудно сказать, что означает эта находка.

— Но мы хотим, чтобы вы знали: мы относимся к этому очень серьезно. Найденная сумка с большой вероятностью указывает на то, что Люкке куда-то увезли против ее воли.

Харальд откинулся на стуле и в отчаянии всплеснул руками, как будто это был конец. Конец.

— Мы подозреваем, что ее похитили.

Похитили... Только от одного слова у нее внутри все сжалось.

— Да, надеюсь, мы ошибаемся, но мы составили заявление о похищении и возбудили уголовное дело.

Хелена попыталась поймать взгляд Харальда, но он пустым взглядом смотрел прямо

перед собой.

— Мы послали сумку на техническую экспертизу, но нам надо знать, что в ней лежало, чтобы выяснить, чего не хватает. — Полицейский взял ручку и приготовился записывать.

Хелена и Харальд сидели молча.

— Простите, — сказал дежурный, не получив ответа. — Я понимаю, что на вас столько всего свалилось, но вы должны пытаться помочь нам и отвечать на вопросы.

— Да, конечно, — откашлялся Харальд. — Но, честно говоря, я не знаю, что лежало у нее в сумке. Сумку ей собирала няня.

— Няню зовут Мона... — добавила Хелена и внезапно впала в ступор. Она не могла вспомнить фамилию Моны, хотя та работала у них несколько лет. — Ты помнишь ее фамилию? — спросила она Харальда, который, извиняясь, покачал головой.

— Нам придется задать вам и людям из вашего окружения, которые могут знать, где Люкке, еще несколько вопросов. Обычная рутинная работа. Мы также хотели бы взять у вас образцы слюны, чтобы сделать анализ следов ДНК, которые наверняка найдут на сумке. Даже если не вы собирали эту сумку, вы ведь точно до нее дотрагивались. Нам также нужна зубная щетка Люкке или что-нибудь в этом роде, чтобы сделать анализ ее ДНК.

— Ответ будет готов не позднее среды, — вставил руководитель следствия. — Но мы надеемся найти вашу дочь раньше.

Не очень убедительно, но Хелена была вынуждена ухватиться за эту версию, чтобы совсем не потерять контроль над ситуацией.

Руководитель следствия выразительно посмотрел на дежурного, и тот тотчас исчез из комнаты.

В сумке Хелены зажужжал телефон, но она не стала брать трубку.

— Мы хотели бы осмотреть компьютер Люкке, если он у нее был. А также все, что может дать хоть какие-нибудь зацепки.

Оставшийся в комнате полицейский сначала посмотрел на Харальда, а потом задержал взгляд на Хелене.

— Своего компьютера у нее нет, но иногда я разрешаю ей пользоваться моим старым, — сказал Харальд.

— Хорошо. Наверняка многие сейчас хотят с вами связаться. Не только родственники, но и пресса. Сегодня утром на нас оказали большое давление, и мы назначили пресс-конференцию на одиннадцать часов. — Полицейский бросил взгляд на часы. — Это через два часа, и я думаю, будет хорошо, если вы скажете несколько слов. Чтобы от вас все отстали.

— Что? — невольно вырвалось у Хелены. Куда она попала? Блоги, пресс-конференции...

— Спокойно. — Харальд убедительно посмотрел на нее. — Я согласен, мы должны делать все, что можем.

Перед глазами Хелены возникли фотографии родителей пропавшей Мэдлин Макканн. Английской девочки, которая бесследно исчезла несколько лет назад, когда семья отдыхала в Португалии. Родители дали массу интервью, но так и не нашли свою дочь.

— Нам нужна любая помощь, которую нам могут оказать. Может быть, звучит странно, но СМИ обращаются к общественности не так, как мы. И поверьте мне. Лучше поговорить с журналистами во время пресс-конференции, чем отдельно. Эти журналисты — как настоящие коршуны.

Хелена еще раз вспомнила британскую семью и то, как родителей записали в подозреваемые.

— А что, по-вашему, мы должны сказать? — спросил Харальд.

— Это решать вам, но будь я на вашем месте, я бы попросил общественность о помощи. Кто-то мог что-то видеть. У вас есть несколько часов на подготовку. До начала пресс-конференции мы все вместе обсудим.

Хелена надеялась, что Харальд запомнит слова полицейского, она сама была не в состоянии сосредоточиться.

— Мне надо задать вам еще пару вопросов, — продолжил полицейский, настраивая стоящий на столе маленький магнитофон.

— Время — восемь сорок утра, комната для допросов номер три...

Хелена нервно смотрела на Харальда, пока полицейский зачитывал детали.

— Позже мы допросим вас по отдельности. Чистая формальность. Вам незачем волноваться, но сейчас нам надо задать вам несколько вопросов, просто-напросто добавить кое-какие сведения, — объяснил он, глядя перед собой из-под кустистых бровей. — Извините, но где именно вы находились вчера, — он заглянул в свои бумаги, — когда исчезла Люкке?

— Я был на работе, — быстро ответил Харальд.

Похоже, полицейскому не очень понравился такой быстрый ответ, и он задал дополнительный вопрос.

— Не подумайте, что я хочу вас как-то задеть, это просто обычная рутина. Но кто-то может это подтвердить?

Харальд кивнул и написал чье-то имя на лежавшем перед ним листе бумаги.

Полицейский повернулся к Хелене.

— Я тоже была на работе.

— Кто-то может это подтвердить?

Хелена написала имя своей коллеги. Как только она выйдет отсюда, она сразу же позвонит ей.

Вернулся дежурный и сел рядом со следователем. Они кивнули друг другу, будто между ними существовала негласная договоренность.

— В адрес вашей семьи поступали угрозы? — спросил дежурный.

— Угрозы? Что вы имеете в виду? — спросила Хелена. Ей показалось, что в комнате стало нечем дышать.

— Вам кто-то угрожал?

Хелена посмотрела на Харальда, который покачал головой.

— Кто-нибудь требовал у вас деньги?

— Что? Вы что, подозреваете, что ее похитили? — Он запнулся.

— Мы должны рассматривать все варианты, — ответил дежурный.

— Но... — Харальд сдержался и замолчал. Его плечи опускались все ниже и ниже.

— Я хочу, чтобы вы знали: у нас вы можете чувствовать себя в безопасности. Если у вас кто-то требовал деньги, чтобы вернуть вам вашу дочь, вы должны нам это рассказать. Мы знаем, как поступать в таких ситуациях. Если это так, вы должны нам рассказать. У нас было несколько случаев, когда похитители угрожали родителям, чтобы те не шли в полицию, но мы знаем, как с этим справиться, вам не надо бояться.

Угрозы? Выкуп? Одна сплошная мешанина из слов, которые друг с другом никак не

соотносятся. Внезапно все стало происходить как в замедленной съемке.

— Вам не казалось, что вас преследуют?

— Кто-нибудь желал Люкке зла?

Нет! Нет! Нет! Прекратите!

— А как у нее в школе с друзьями?

— Хорошо. — Харальд, к счастью, вроде бы владел своими чувствами и отвечал на вопросы.

— Значит, по вашему мнению, никто не желал зла ни ей, ни вам? — опять спросил следователь.

Хелена потерла глаза и посмотрела на полицейских. Покачала головой.

Следователь стучал по клавиатуре.

— Хотите сообщить нам что-то еще? — Сначала он посмотрел на нее, а потом на Харальда. — Какая у вас дома обстановка?

— Что вы хотите сказать? Мы ведь в разводе, у Харальда новая семья... — Хелена замолчала.

Полицейские ждали, что она договорит фразу до конца.

— Вы думаете, что ее нет в живых? — Вопрос Харальда прорезал воздух.

Хелена задержала дыхание.

— На это вопрос я не хочу и не могу отвечать, оснований так считать нет, и от того, что мы будем строить здесь предположения, легче не станет. Мы ищем вашу дочь, и пока у нас нет никаких других сведений, мы исходим из того, что она еще жива.

— Извините, что опоздала. — Эллен закрыла за собой дверь конференц-зала *Хей Баберибба*, где все уже собрались. — Я только что говорила с полицией, они нашли сумку Люкке в парке Роламбсховспаркен. Через три часа состоится пресс-конференция.

— Хорошо, будем вести прямую трансляцию в Сети. Проследите за тем, чтобы они вставили эту новость в «Утро новостей», — сказал Джимми, сидящий во главе стола. — Мы сможем включить это в следующий выпуск новостей?

— Конечно, — сказала Эллен и, наскоро обняв Андреаса, села. — С возвращением. — Как хорошо, что они станут работать вместе.

— Спасибо, я совсем не против поработать. Даже в субботу. — Хоть он и улыбался, глаза у него были в красных прожилках. — Один ребенок — это психическая перестройка, двое детей — это, черт возьми, физическая перестройка. Я совершенно без сил.

Он не изменился. Просторные джинсы и еще более просторная футболка с надписью «Fuck the Fuckers»^[2] большими буквами на груди.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда у тебя будет трое детей, — сказала Анна, сидевшая напротив них. — И могу сказать, что когда они вырастут, легче не станет.

Стакан Детеканны был всегда наполовину пуст. На самом деле коллегу звали Анной, но Филип с Эллен звали ее Детеканной. Она утверждала, что читает только некоторые статьи в «Свенска Дагбладет» и презирает коммерческое содержание, т. е., в принципе, все, что показывают по ТВ4, но они знали, что на самом деле она читает только детективы. Их общий коллега рассказал об этом Филипу в гримерке. Они были членами одного книжного клуба.

— Что мы знаем? — спросил Джимми и провел рукой по красному лакированному столу. За ним висели афиши популярного сериала *Остаться в живых* вперемешку с кадрами из *Бананы в пижамах*.

— О'кей. — Эллен подключила проектор к своему компьютеру. — Люкке Хёек, восемь лет. Дочь Харальда Хёёка и Хелены Энгстрём.

На экране появилась фотография Люкке.

— Она пропала около шестнадцати часов назад. Последний раз ее видели у Королевского теннисного корта.

Эллен открыла документ со сведениями о семье, которые она успела собрать.

— Отец Люкке управляет принадлежащей семье гостиницей «Руби» на площади Норрмальмсторг. Хелена — риелтор. Оба выросли в районе Юрсхольм и сейчас живут на Эстермальме, недалеко друг от друга. Оба родились в шестьдесят пятом году. Жена Харальда Хлоя Хёек моложе, она семьдесят седьмого года. У нее своя фирма, деятельность которой пока приостановлена, поскольку Хлоя в декрете. Ее доходы равны нулю. По описанию фирма занимается экологическим детским питанием.

— То есть высший свет. — Джимми встал со стула и достал маркер из прикрепленного к доске держателя. — О'кей, какие сценарии тут возможны? — спросил он и написал на доске одно слово.

Похитили?

Эллен открыла карту Стокгольма, на которой обвела в кружочки теннисный корт и парк Роламбсховспаркен.

— По информации полиции сумку нашли здесь, — она показала мышью на карту, — то есть, в другом конце города, так что или кто-то увез ее против воли, или...

— О'кей. А если посмотреть на это с точки зрения новостей? — спросил Джимми.

— Я думала, что именно это я и делаю, — ответила Эллен.

— Что мы знаем такое, что другим неизвестно? Предположительно речь идет о преступлении.

— Да, полиция думает, что совершено преступление, но это не значит, что мы уже не найдем ее живой.

— Нет, конечно, — сказал Лейф, подняв глаза от вечерней газеты, которую он просматривал. — Она наверняка где-нибудь спряталась и скоро объявится и скажет «ку-ку».

— Тебя это забавляет? — спросила Эллен.

Лейф слегка ухмыльнулся.

— А кого подозревает полиция?

— Пока никого, они опрашивают членов семьи и людей из окружения девочки.

— А есть возможный подозреваемый? — продолжил он.

— Пока нет, — ответила Эллен. — По моим данным, — добавила она. — У тебя, что, есть другая информация?

— Нет. — Лейф пожал плечами.

Он наклонился к Детеканне и сказал что-то, что Эллен не расслышала.

— Не шепчи. Если тебе есть что сказать, скажи вслух, — заметила Эллен.

— Идем дальше. — Джимми стукнул маркером по доске.

— А знаете ли вы, что каждый год в Швеции пропадает пятьсот детей? — подала голос Детеканна.

Джимми, который как раз собирался что-то опять написать на доске, обернулся.

— Что? Это правда? Мне нужна дополнительная информация. Мы из этого что-нибудь сделаем. Хорошо, Анна. — Он написал цифру на доске, но остановился. — Это вместе с иммигрантами?

— Извини? — произнесла Эллен так, словно у нее что-то застряло в горле. — А какое, по-твоему, это имеет значение?

— Естественно, никакого. Одинаково плохо, но я думаю о ценности новости и ее аспекте.

Эллен посмотрела на Детеканну.

— Никогда раньше не слышала эту цифру. Это правда?

— Да, правда, — ответила Анна. — Но большинство исчезновений не приводит ни к масштабным полицейским мероприятиям, ни к участию общественности. Чаще всего ребенка уводит один из родителей. Честно говоря, меня тоже удивила эта цифра. Об исчезновении такого рода не говорят. СМИ следят за событием, если вовлечена третья сторона, т. е. полиция.

— Да, и когда речь идет о белом ребенке из высшего общества, — вставила Эллен.

— Именно, — сказал Джимми, словно забил в гроб последний гвоздь. — Это суровая действительность. Я знаю, как несправедлив мир, когда у тебя нет денег и ты темнее, чем среднестатистический житель этой страны. — Он провел по своим темным волосам для уточнения. — Это так, но это не имеет значения, мы собрались здесь не поэтому.

— Но я не понимаю, почему не подключают полицию, когда за исчезновением стоит один из родителей? — спросила Эллен.

— Потому что чаще всего это считается спором по поводу опеки...

— Стоп. Давайте сосредоточимся на Люкке, — прервал Джимми. — Мы ограничены во времени. — Он напряженно посмотрел на часы.

— Двадцать пятое мая — международный день пропавших детей, — заметил Андреас, который возился со своим телефоном.

Все посмотрели на него.

— Прямо страшно становится! — смущенно улыбнулся он.

— Да, может быть. Кто-то похитил ее, чтобы привлечь внимание общественности к этому дню. Просто-напросто пиар-пугч. — Эллен выдавила из себя улыбку.

— Черт возьми. — Андреас рассмеялся. — По-моему, в этом что-то есть.

— Анна, узнай все о семье, — попросил Джимми.

— Никто из них не проходит по уголовным делам, — заметила Эллен.

Детеканна медленно поставила чашку с чаем рядом со своей тарелкой, на которой лежали два хлебца с мармеладом. Теперь чашка стояла так, что все могли прочесть надпись. *Лучшая в мире мама.*

— Люкке ходит в Седегренскую школу на Эстермальме. Это частная школа, или муниципальная, как теперь принято говорить. Во всяком случае, прибыльная. По мне — таких школ вообще не должно быть.

— Спасибо, Анна. Теперь мы знаем твою позицию по этому вопросу, — вздохнул Джимми.

Эллен невольно подумала о том, что Детеканне не мешало бы покрасить корни волос, а то у нее на голове полоса седых волос в целых два сантиметра.

— Продолжай, Анна, — устало попросил Джимми.

Эллен подошла к доске и взяла у Джимми маркер.

— Мы должны ее найти. Что нам делать? — спросила она нетерпеливо.

— Нет, не так: что нам делать, чтобы создать качественные новости? — поправил ее Джимми, но все-таки сделал шаг в сторону. — Педофилы, — добавил он и сел на свое место. — Напиши.

Словно он рассказал, что собирается съесть на ужин. Эллен надеялась, что никто не видит, как у нее дрожит рука, когда она начала писать на доске. Она подчеркнула слово «Похищена», которое до нее написал Джимми.

— Учитывая доходы семьи, это вполне возможно. Согласно моему источнику в полиции никто еще не выдвигал никаких требований, но это может произойти, — заметила Эллен и написала на доске еще одно слово.

Семья

— Мы не должны исключать этот вариант только потому, что Люкке белая девочка из высшего общества, — пояснила она.

— А какие у них могут быть мотивы? Папа педофил? — спросил Андреас.

— Нет, — ответила Детеканна. — По крайней мере, он не судим.

— Или мама, — сказала Эллен. — С тем же успехом это может быть она.

Детеканна вздохнула.

— А зачем маме похищать своего ребенка?

— Я не знаю, но, может быть, она убила ее по ошибке и где-то спрятала. Или она хочет отомстить папе. Кто знает? В США был случай...

— Так то в США, — оборвала ее Детеканна.

— Дичь какая-то, — заметил Андреас.

— То есть ты хочешь сказать, что мама, если она сделала что-то своей дочери, скорее сойдет с ума, чем папа, если он использовал свою дочь в сексуальных целях?

— Ну, не знаю. А что?

— Давайте двигаться дальше, — предложил Джимми, начав качаться на задних ножках стула.

Эллен откашлялась.

— Да, мы попытаемся поговорить с друзьями, соседями и семьей, но будем делать это в рамках разумного. Пусть в грязном белье копаются вечерние газеты.

— Разумеется, но мы должны быть впереди всех, — сказал Джимми.

— В десять утра поисковый отряд начнет еще раз прочесывать местность. К сожалению, мы не успеем принять участие в поиске, поскольку в это время состоится пресс-конференция.

— Поиск? Почему мы должны участвовать в поисках? Если вы и должны что-то искать, так это новости, — опять поправил ее Джимми.

Эллен вернулась на свое место.

— Извини, я не хотел тебя обидеть... — Взгляд Джимми изменился.

В сумке завибрировал телефон. Эллен, не задумываясь, взяла трубку.

— Я только что видела тебя в новостях.

Эллен встала со стула и придвинула его к столу.

— Я не понимаю, почему именно ты должна делать репортаж о пропавшей девочке?

— Привет. Да, именно. — Эллен пыталась говорить обычным голосом, чтобы никто в *Хей Бабероба* ничего не заподозрил. Может быть, она даже переигрывала?

— Это ужасно. Почему ты это делаешь?

Эллен пошла к двери.

— Да, конечно, — произнесла она с деланным энтузиазмом в голосе.

— Ни один нормальный человек так бы не поступил, учитывая все то, что нам пришлось пережить.

Эллен пыталась удержать в руках телефон, сумку и компьютер, одновременно прикладывая пропуск к двери, чтобы выйти из комнаты.

— А я ненормальная, — тихо ответила она, надеясь, что никто в комнате ее не слышит. Вся спина у нее взмокла, ей надо выйти. Она снова попыталась открыть дверь.

— Спасибо за помощь, — кисло сказала она своим коллегам, когда пропуск наконец сработал и дверь открылась.

— Что ты сказала? — спросила ее мама.

Эллен прислонилась к стене в коридоре.

— Подумай о семье маленькой девочки. Ты, наверное, не забыла, как с нами обращались журналисты...

— Пожалуйста, конечно, я не забыла.

— Ты можешь быть такой жесткой. Что ты хочешь этим доказать, Эллен?

Эллен не ответила.

— Как ты могла в это впутаться, я не понимаю, как ты можешь заниматься таким недостойным делом? — Теперь она всхлипывала.

— Я пытаюсь найти девочку. Только и всего! — Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не закричать на свою маму.

— То, что случилось, уже случилось, и ничего нельзя исправить, — продолжала ее мама.

— Я знаю, — прошептала Эллен. Сумка выскользнула у нее из рук и упала на пол.

— Мы ее не вернем.

Эллен закрыла глаза.

У нее болел каждый мускул.

Мона дотронулась до груди. Здесь было больнее всего. Очень сильно билось сердце.

Ночь практически прошла без сна. Из-за волнения и непогоды она не спала до утра. В конце концов, приняла одну, нет, две, успокоительные таблетки. Легла в постель, и таблетки сделали свое дело.

Хорошо бы лечь и не проснуться.

Хотя часы показывали начало одиннадцатого, она еще не оделась.

Мона села на диван. Принялась разгадывать кроссворд в сегодняшней газете, но не смогла заполнить ни одного квадратика.

За окном лил дождь. Сквозь шум дождя она услышала, как на перроне остановился поезд метро. Хотя всю свою сознательную жизнь она прожила рядом со станцией Абрахамсберг, она так и не привыкла к грохоту. Скрежет тормозов мог по-прежнему разбудить ее среди ночи. Она много раз пыталась уговорить хозяина вставить более толстые стекла, но хозяин отказывался. Это слишком дорого, хотя у нее только три окна и балконная дверь.

Она отложила кроссворд и взяла книгу. Прочитав одну и ту же страницу бесчисленное количество раз, включила телевизор.

И тут в прихожей зазвонил телефон.

Она надела тапочки и запахнула тонкий халат. Робким шагом прошла в прихожую и взяла трубку.

— Мона Перссон, — сказала она, поправляя вязаную скатерть под телефоном.

— Мартин Янссон, полиция. Надеюсь, я не позвонил...

— Вы нашли ее? — спросила Мона, не дав ему закончить фразу.

— Нет, к сожалению. Но мы нашли ее сумку, вернее, ее рюкзак.

Грудь еще больше сдавило. Она видела это в новостях.

— Как мы поняли, вы собирали ей сумку. Мне нужно знать, что там лежало.

Мона застыла как вкопанная и попыталась вспомнить.

— Да. Это так. Я все сделала, как обычно: положила ее теннисную форму, кроссовки, полотенце... или нет, полотенца не было, гель для душа. Люкке всегда переодевалась в школе, так что я не знаю, положила ли она что-то еще в сумку.

— А больше вы ничего не помните?

— Нет, или да, резинка для волос. Волосы были распущены.

— О'кей...

В голосе полицейского послышалось разочарование. А она надеялась, что ей удалось сообщить ему необходимую информацию.

— Я могу что-то сделать?

— Сейчас нет, но мой коллега свяжется с вами в течение дня, чтобы задать дополнительные вопросы, и нам также придется взять у вас образец слюны, чтобы исключить следы вашего ДНК на сумке.

— Конечно, звоните. Можно мне спросить — где вы нашли ее сумку?

— В парке Роламбсховспаркен.

Мона призадумалась.

— Но это же в другом конце города?

— Вот именно. Сожалею, но мне надо еще поработать. Спасибо за помощь. —

Полицейский положил трубку.

Мона опустила на маленькую табуретку рядом со столиком из сосны и снова подняла трубку. Недолго думая, кому из них позвонить, набрала номер Харальда, поскольку все еще шла его неделя.

Харальд подошел после третьего гудка.

— Вы что-то знаете? — спросила она.

— Нет, ничего нового, — ответил он подавленно. — Куда она могла подеваться? Ты должна нам помочь, ты единственный человек, который ее понимает.

Мона покачала головой.

— Никак не могу взять в толк. Люкке не из тех, кто исчезает. Не понимаю, и все тут.

— Она могла сбежать?

Мона опять вспомнила о ссорах.

— Ведь она не тот ребенок, который может сбежать из дома? — продолжил Харальд.

«Ребенок, что за формулировка», — подумала она.

— Вообще-то нет. — Мона засомневалась. — Но последние недели она очень сильно грустила.

— Что ты имеешь в виду?

«Ты действительно ничего не замечал», — подумала Мона.

— Это трудно описать, но она вся ушла в себя. — У нее не было сил объяснить. Это только сделает ему больно, но никак не поможет.

— Но она всегда тихая.

Мона не ответила. Что она может сказать?

— Пожалуйста, попытайся вспомнить. Когда ты вчера отводила ее в школу, может быть, она сказала или сделала что-то особенное?

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Нет, но я видела по ней, что она расстроена.

Они опять замолчали, и Мона стала вспоминать вчерашний день. Утро пятницы было ужасным. Когда она вошла в комнату Люкке в самом начале восьмого, девочка сидела на кровати и яростно терла пальцы о джинсы.

— Что ты делаешь? — спросила Мона и взяла ее за руки, чтобы она прекратила.

Люкке отвернула голову и прошептала:

— Я не знала.

— О чем ты?

В ту же секунду в дверь постучали, и не успели Мона с Люкке и слово сказать, как в комнату вошла Хлоя.

Мона почувствовала, как Люкке крепко сжала ее ладонь.

— Как хорошо, что ты здесь. — Хлоя посмотрела на Мону. — Я пыталась объяснить Люкке, что не надо брать мое дорогое мыло, которое в Швеции не достать. У тебя есть другое мыло, в маленькой ванне, — продолжила Хлоя, взглянув на Люкке. — На этот раз я тебя прощаю, но хочу, чтобы больше это не повторилось. Договорились?

Люкке кивнула, не поднимая глаз.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Люкке медленно подняла голову и прошептала:

— Договорились.

— Спасибо, давай забудем это и постараемся провести день хорошо. — С этими словами Хлоя вышла из комнаты.

— Не обращай внимания, — прошептала Мона, похлопав девочку по щеке.

Но Люкке продолжала с силой скрести ладони о джинсы.

— Я должна уничтожить запах этого мыла, — твердила она. — Я должна уничтожить запах!

Мона не знала, как успокоить Люкке, и дала ей возможность выговориться.

Через какое-то время девочка замолчала.

— Извини. — Она посмотрела на Мону голубыми глазами, полными слез.

— Давай наденем свитер и позавтракаем. — Мона похлопала Люкке по розовым щечкам.

Мона накрыла Люкке завтрак и, услышав, как Харальд и Хлоя ссорятся в холле, стала мыть посуду.

Как обычно, речь шла о Люкке.

На этот раз Хлоя утверждала, что слышала, как Люкке кашляет. Поэтому она не хочет, чтобы Люкке оставалась у них на выходные, а то она может заразить своего младшего брата.

Мона не заметила у Люкке никаких признаков простуды.

В конце концов, Хлое удалось уговорить Харальда позвонить Хелене, чтобы та забрала дочку. Они кричали друг на друга по телефону.

Она бросила взгляд на Люкке, сидевшую за столом на кухне. Девочка не притронулась к еде и сидела, закрыв уши.

Мона уронила стакан в мойку, и он разлетелся на мелкие осколки.

— Люкке умная девочка. Она прекрасно понимала, о чем шла речь, — тихо сказала она Харальду, о чем сразу же пожалела.

— Что ты сказала?

— Ничего.

— Как бы то ни было, пожалуйста, не уходи из дома, вдруг она придет к тебе. Разумеется, я заплачу.

— Не нужны мне никакие деньги, Харальд.

— А она не может быть у какой-нибудь подружки? Разве полиция не спрашивала тебя, у кого она может быть? Я думаю, у нас есть имена...

— Харальд, у нее нет друзей.

В трубке замолчали.

Мона не хотела рассказывать об одноклассниках Люкке, которые относились к ней плохо. Когда она приводила ее в школу, дети с ней даже не здоровались, хотя девочка иногда проявляла инициативу и пыталась установить контакт, но это становилось все реже и реже.

Мона много раз просила учительницу что-то предпринять. Но ей говорили, что сейчас так много дел, что этим займутся только после летних каникул.

После летних каникул.

Сколько раз Мона пыталась рассказать Харальду и Хелене о том, каково Люкке приходится в школе, но они ее не слушали.

Разговор окончился, но Мона продолжала сидеть на табуретке. Трубка лежала у нее на коленях.

Внутри нее зрело чувство, но она хотела побороть его, не дать ему взять верх.

Люкке было четыре года, когда Мона начала работать в семье Хёёк. Родители тогда только что развелись, и для всех это был болезненный период.

Это была не первая разведенная семья, в которой работала Мона. Все разводы были полны ненависти. И всегда страдающей стороной оказывались дети. Как бы она ни пыталась это себе объяснить, у нее ничего не получалось.

Но эта семья превзошла все остальные. Здесь все било через край. И не только потому, что маленькая Люкке была особым ребенком — очень одиноким и ранимым.

До прямого эфира оставалось десять минут. Джимми решил, что пресс-конференция должна транслироваться вживую и на канале ТВ4. Он утверждал, что это идеально подходит для целевой группы.

Андреас проверил оснащение камеры, а Эллен в последний раз просмотрела сценарий.

Вся журналистская братия собралась в здании полиции на Кунгсхольмене. Были представлены все газеты, сайты, теле- и радиоканалы. Хотя в помещении уже было слишком много народу, журналисты все прибывали и прибывали. Эллен давно не видела такой явки.

Закусив губу, Эллен попыталась собраться. В руке она держала микрофон с эмблемой канала — большой красной четверкой.

— У тебя потекла тушь. Поправь ее, а то мы не сможем начать. — Андреас показал на ее правый глаз.

Она попыталась стереть тушь слюной. Андреас покачал головой.

Эллен продолжала тереть. Под глазом начало пощипывать, а сутолока стала ее раздражать. Почему она не пошла работать на радио?

— Давай, Эллен, мы должны подготовиться как можно быстрее. Скоро начинаем, — сказал он, выставя расстояние на камере.

Она кивнула, он прав.

Она взяла зеркало и попыталась убрать тушь, наложенную поверх телевизионного грима. Филип сделал хорошую основу, но из-за дождя, а теперь еще и духоты в комнате грим надо бы подправить.

— Осторожно, — сказала она кому-то, кто ткнул ее в спину. Отметила, где находятся запасные выходы, и вычислила, как быстро она сможет выйти, если не справится.

Она еще раз пробежала глазами мятый сценарий, который набросала в машине по дороге в здание полиции. Одернула платье, чтобы оно сидело как надо, сделала глубокий вдох и попыталась отключиться от посторонних звуков и движений.

Андреас кивнул. Она подняла микрофон и посмотрела в камеру.

— Я нахожусь в здании стокгольмской полиции... — Она опустила микрофон. — Нет, надо переписать. Я не смогу это произнести. Это слишком банально. — Она поискала ручку в сумке, но не нашла. Пришлось довольствоваться карандашом для подводки глаз. Не зная, что она будет менять, принялась черкать сценарий.

[Купить полную версию книги](#)

Любишь кататься, люби и саночки возить (*англ.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Всех к черту (*англ.*).